

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Л. Э. ШИШКО.

90/1018.

ЛЕОНИДА ЭММАНУИЛОВИЧА
ШИШКО

подъ редакціей
П. ВИТЯЗЕВА.

Т. IV.

Изд. Т-во
«РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ».

СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Читальная зала.

1918
ПЕТРОГРАДЪ—МОСКВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

IV ВЫПУСКА.

СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Стр.

I. Крестьянство и русская общественность.

1. Прошлое и настоящее. 3
2. Крестьянство и народническое движение. 11 ✓
3. По поводу сорокалетней годовщины освобождения крестьян. 59

II. Интеллигенция и революция.

1. Къ вопросу о роли интеллигенции въ революціонномъ движеніи. 79
2. Роль интеллигенции въ освободительномъ движеніи. 108

III. Личныя воспоминанія.

1. Сергей Михайловичъ Кравчинскій и кружокъ Чайковцевъ. 127 ✓
2. Изъ воспоминаній прошлаго. 171
3. Къ характеристикъ движенія начала 70-хъ годовъ. 181
4. Михаилъ Рафаиловичъ Гоцъ. 223

IV. Письма.

1. Письмо къ матери. 239
2. Изъ писемъ къ Г. Д. Смирнову. 242

V. Приложенія.

1. Похороны Л. Шинко. 251
2. Рѣчи на могилѣ. 253
3. Письма и телеграммы. 272
4. Библиографія. 282

73. 7/2

не дававшая возможности развернуться всем таившимся в ней силам, не прошла безслѣдно; тѣ, которымъ пришлось встрѣтиться съ нею, не забудутъ ея горячихъ рѣчей, ея чуткой отзывчивости, ея способности привлекать другихъ къ заботамъ, выходящимъ изъ круга житейскихъ интересовъ. Загорѣвшаяся въ ней съ молодости искра Божія уже не угасала.

Тяжела была ея жизнь. Много горя, много тяжелыхъ потерь, много могилъ было разбѣяно на ея пути. Но если подумать о той массѣ лучшихъ привязанностей, лучшихъ человеческихъ чувствъ, лучшихъ воспоминаній, которые связываются съ этой жизнью, то невольно приходитъ на память предсмертное письмо Семановскаго. Несмотря на всю тоску и муку, приведшія его къ роковому концу, онъ все-таки звалъ своихъ младшихъ братьевъ слѣдовать его пути: лучшаго не отыщется въ этомъ мірѣ.

Къ характеристикѣ движениа начала 70-хъ годовъ¹⁾.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Воспоминанія Н. А. Морозова о революціонномъ движеніи начала семидесятыхъ годовъ, помѣщенные въ майской и июньской книжкахъ „Русскаго Богатства“²⁾, отличаются, кромѣ своихъ другихъ достоинствъ, большою точностью описаній и подробностью восстанавливаемыхъ фактовъ, что, въ свою очередь, значительно способствуетъ оживленію въ памяти другихъ участниковъ этой минувшей эпохи относящихся сюда фактовъ, идей и впечатлѣній. Въ этомъ отношеніи это—очень рѣдкое по своей жизненности и конкретности воспроизведеніе уже довольно далеко отошедшаго прошлаго: это—одна изъ хорошо сохранившихся страницъ уже очень потерпѣвшей отъ времени и наполовину растерянной рукописи.

А, между тѣмъ, эта рукопись, несомнѣнно, имѣетъ свое значеніе въ исторіи развитія русскаго общественнаго движенія. Когда-то въ ней одной заключалось все то, что было вписано въ данное время въ ходъ русской жизни носителями социалистической идеи. Много вносилось тогда въ эту жизнь другого, съ разныхъ сторонъ, хорошаго и дурного—и гораздо больше дурного, чѣмъ хорошаго. Это была эпоха уже вполне опредѣлившейся реакціи въ политикѣ пореформеннаго правительства, эпоха расцвѣта капиталистическихъ тенденцій и упорно поддерживавшихся вѣрованій въ путь постепеннаго и мирнаго обновленія Россіи. Это была эпоха, когда экономическія послѣдствія „великихъ реформъ“ уже начинали отчетливо обозначаться для русскаго общества въ

¹⁾ „Русское Богатство“, 1906 г., № 10. Ред.

²⁾ См. „Въ началѣ жизни“. Ред.

Читальная

статистических изслѣдованій Янсона, въ книгѣ Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“¹⁾ и, наконецъ, въ уже надвигавшемся самарскомъ голодѣ 1873—1874 года. Это была эпоха, когда въ литературѣ уже появились „благонѣренныя рѣчи“ щедринаскаго Глума, когда „пришелъ Чумазын“, передъ которымъ широко распахнулись двери правительственныхъ чертоговъ,—въ то время, какъ въ переднихъ этихъ чертоговъ просвѣщеннѣйшіе изъ отцовъ русскаго либерализма безмолвно выслушивали начальственные окрики.

Словомъ, общее положеніе дѣла уже было тогда вполне намѣчено, какъ въ экономической, такъ и въ политической области, и должно было развиваться въ томъ именно направленіи, какое было указано основателями русской социалистической школы. Извѣстно, съ какимъ холоднымъ равнодушіемъ отнесся, напримѣръ, Чернышевскій въ 1861 г. къ состоявшемуся надѣленію освобожденныхъ крестьянъ землею,—тѣхъ освобожденныхъ крестьянъ, которымъ онъ заранее предсказывалъ неизбежную участь ирландскихъ арендаторовъ. Закончивъ свою знаменитую полемику съ Вернадскимъ, онъ открыто заявилъ, что ему даже „совѣстно вспоминать“ о той безвременной самоувѣренности, съ какою онъ поднялъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи:

„Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ, скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ“—такъ резюмировалъ Чернышевскій результаты своего внимательства въ реформенное движеніе.—Ибо, объяснялъ онъ, сохраненіе общиннаго землевладѣнія составляетъ только одну сторону дѣла; другимъ необходимымъ условіемъ является „принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ землевладѣніи... Кто, кромѣ глупца, можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?“²⁾

Вотъ почему Чернышевскій относился съ полнымъ пренебреженіемъ къ тѣмъ неумѣреннымъ восторгамъ, которые раздавались тогда въ лагерѣ русскихъ либераловъ по поводу отвоєованнаго ими у крѣпостниковъ надѣленія освобожденныхъ крестьянъ землею,—надѣленія, достигнутого путемъ

даже такихъ компромиссовъ, какъ введеніе четвертнаго паѣла и удержанія въ деревнѣ розогъ въ видѣ угрозы будущимъ неплательщикамъ.

Но лучшіе представители русскаго либерализма, въ родѣ Тургенева и Кавелина, не понимали этого холоднаго равнодушія со стороны людей новаго направленія; оно казалось имъ проявленіемъ безмѣрнаго самомнѣнія и жельчнаго безсердечія. Они не понимали „шипа и свиста“ ядовитыхъ змій „Современника“; имъ казалось, что эти странные, непонятные люди губятъ розовыя надежды либеральной эпохи. Историческая правда заставляетъ даже сказать, что лучшіе представители русскаго либерализма, уже носившіе въ своей груди печать буржуазнаго духа, *радолись* втайнѣ насильственной гибели социалистическаго теченія начала 60-хъ годовъ: „То, что вы пишете мнѣ о паденіи крайнихъ мнѣній—читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Кавелина къ Спасовичу за этотъ періодъ—меня крайне радуетъ“¹⁾; хотя это паденіе крайнихъ мнѣній, какъ выражался Кавелинъ, представляло собою въ дѣйствительности преждевременную смерть Добролюбова, ссылку въ каторжныя работы Михайлова и Чернышевскаго и закрытіе „Современника“.

Этимъ эпизодомъ интимной переписки какъ нельзя лучше характеризуется господствовавшее тогда политическое настроеніе русскихъ либераловъ, стоявшихъ на всей высотѣ европейской культуры. Они предавали свои политическія судьбы въ руки пореформеннаго правительства, они вѣрили въ живучесть осуществившихся реформъ; они возлагали надежды на *личную благожелательность* высшихъ сферъ—вопреки общимъ жельзнымъ законамъ даннаго политическаго института. А, вѣдь, между тѣмъ, все это были высокообразованные и даже ученые люди, хорошо знакомые съ политической исторіей, вообще, и съ политической исторіей Россіи, въ частности; наконецъ, въ салтыковскихъ сатирахъ передъ ними уже выворачивалась тогда наизнанку вся подоплека русскаго сословнаго бюрократизма.

Чѣмъ же объяснялась такая удивительная довѣрчивость умныхъ, гуманныхъ и талантливыхъ отцовъ русскаго либерализма? Этотъ вопросъ былъ однимъ изъ наиболее серьезныхъ вопросовъ, которыми занималась высокѣйшая и „без-

¹⁾ Книга вышла въ С.-Петербургѣ, въ 1869 г., изд. Н. Полякова. Р. ед.
²⁾ См. вступленіе къ статьѣ: „Критика философскихъ предубѣжденій“. Полное собраніе сочин., т. IV, стр. 304, 306 и 307. Р. ед.

¹⁾ Собраніе сочиненій Кавелина, т. III. Воспоминанія Спасовича о Курсыѣ нашѣ.

сердечная¹⁾ критика „Современника“. Здесь устанавливалась впервые в русской литературе *классовая* точка зрения на явления общественной жизни; здесь впервые выступали в русской литературе последовательные и суровые защитники интересов трудовых масс. Статьи Добролюбова о либеральной политике Кавура, поражавшие Тургенева своей „бестактностью“, статьи Чернышевского об июльской монархии, выяснение экономической стороны общественной психологии в „Примечаниях к Миллю“—все это были необходимые элементы *социалистического* мирозерцания; все это впервые создавало в области русской мысли элементы будущей социалистической партии.

И вот теперь, по прошествии многих лет, оглядываясь на пройденный путь и „отирая пот, а иногда и слезы“,—как говорил Герцен,—мы уже можем с достаточной объективностью констатировать, кто был прав и кто был левее и „безсердечнее“, как в своих главных экономических выводах, так и в основном положении своей политической программы: представители „крайних мнений“ или носители просвещенного либерализма в России 60-х годов,—утописты или реальные политики?

Утописты! Сколько умных и просвещенных *помещиков*, сколько сознательных и полусознательных политических *трусов* скрывали за этим крылатым словечком свои гражданские немощи! Одним из характерных признаков революционного поколения начала 70-х годов являлось его отчуждение от „отцов“, его так называемое „отщепенство“, тот „нигилизм“, который был хорошо подмечен, но так плохо понят Тургеневым, как и все, вообще, что подмечалось им в русском революционном движении. Но спрашивается: как же иначе, как не с непримиримой антипатией и отчужденностью могли относиться к так называемому „культурному обществу“ те, еще незатронутые жизнью, юные люди, которые были воспитаны идейно на социальной критике Добролюбова и экономического анализе Чернышевского, а морально—на еще не давних тогда призраках этих двух великих русских граждан, этих

¹⁾ Молодой критик „Отечественных Записок“ Краевского Громека прямо обвинял публицистов „Современника“ в отсутствии сердца, на что Чернышевский отвечал в „Пolemических Красотах“. Что за притча? Даже у курицы есть сердце, а у них его нет... Есть, родной мой, есть, и очень сердитое, только не на вас!».

великих политических борцов России шестидесятых годов?

Я хорошо помню всю эту, так сказать, *личную* сторону движения начала 70-х годов, это непосредственное столкновение складывавшегося социалистического мирозерцания с окружающей его чуждой общественной обстановкой. Это столкновение неизбежно должно было проявляться тогда в отношениях к семье, к университетской науке, к легальным рамкам общественной деятельности.

Связь с родительским домом, а вместе с тем и с обычной, проторенной жизненной дорожкой порывалась радикальным образом. Это было неизбежное следствие раз принятого основного решения:

Средь мира дального,
Для сердца вольного
Есть два пути.

Никакая материнская любовь, никакой страх перед неизвестным будущим не могли заставить человека повернуть к тому пути, где погибала его общественная жизнь, где разбивалось его представление о нравственной красоте. Редко кто из „отцов“ способен был понять тогда эти идейные мотивы. Отсюда—столь опостылевшие упоры в „молодость“, в губительном влиянии злых агитаторов. А затем—разрыв и много горя, много пролитых материнских слез, много наполовину разрушенных семей...

В 1871 году я вышел офицером из артиллерийского училища, с органическим отвращением к офицерскому званию. Последний учебный год я совсем бросил заниматься военными науками и мог сдать экзамены только потому, что помнил кое-что из прошлых двух лет. На втором курсе я познакомился с Кравчинским, перешедшим к нам из московского Александровского училища. Этот крупный человек, с большими умственными способностями, произвел на меня тогда сильное впечатление. Я помню его сидевшим постоянно за книгами и довольно сурово посматривавшим на окружающую его военную молодежь. Он уже всецело ушел тогда в другой, *идейный* общественный мир, а в окружающей его среде искать лишь немногих единомышленников по духу, с которыми мог открыто, с радостной улыбкой, делить все; но, как сильная натура, он не скрывал своего враждебного отношения к действительности. Если бы это было

позднѣе, въ эпоху возстановленія корпусовъ, его, несомнѣнно, выгнали бы изъ училища послѣ первыхъ двухъ дней. Но тогда въ артиллерійской средѣ еще ощущалось революціонное дуновеніе 60-хъ годовъ, пронесшееся, какъ извѣстно, надъ академіями артиллерійской и генеральнаго штаба; кромѣ того, во всей военной средѣ еще ощущалось тогда нѣкоторое облагораживающее вліяніе милютинскихъ реформъ.

Кравчинскій вышелъ изъ училища однимъ годомъ раньше меня, затѣмъ прослужилъ еще около года въ какой-то артиллерійской бригадѣ. Я подалъ въ отставку немедленно же послѣ того, какъ получилъ офицерскую саблю. Покончить такимъ неожиданнымъ путемъ съ открывавшейся военной карьерой стоило нѣкоторыхъ усилій. Артиллерійское начальство было нѣсколько озадачено; полковникъ Демьяненко въ негодовалъ, что правительство бесполезно затрачиваетъ на людей, подобныхъ мнѣ, дорого стоящія средства военнаго образованія. Къ счастью, тогда еще не существовало обязательной воинской повинности, и сбросить съ плечъ ненавистные эполеты разрѣшалось въ каждую данную минуту. По дома пришлось пережить душевныя тревоги. Я помню одну бессонную ночь, проведенную въ бесѣдѣ съ почтеннымъ земскимъ дѣятелемъ. Это былъ, несомнѣнно, хорошій и честный, по своему, человекъ, демократъ, пользовавшійся уваженіемъ въ земской средѣ. По просьбѣ моей матери, онъ взялся поговорить со мною на тему о безпочвенности революціонныхъ стремленій, — и, вотъ, мы какъ-то поѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ его земскій округъ. Дѣло было лѣтомъ, и мы выѣхали въ ночь. Начались споры о земствѣ, о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, о земскихъ школахъ... Но что могли предложить намъ тогда добродѣтельные либералы болѣе или менѣе притягательнаго вѣзучества „Идеи рабочаго класса“, вѣзучества священнаго для насъ завѣтовъ „Современника“? Русскій либерализмъ родился съ печатью смиренія на челѣ; исторія вырвала у него изъ рукъ революціонныя знамена 1789 года; его политической эмблемой надолго осталась знаменитая щедринская „плевательница“ въ земскихъ больницахъ. Никакіе хорошіе люди въ либеральной средѣ не могли разсчитывать тогда на успѣхъ своей либеральной пропаганды.

Первый годъ по выходѣ въ отставку я провелъ въ Технологическомъ институтѣ. Кравчинскій также уже вышелъ тогда въ отставку и жилъ въ Лѣсномъ институтѣ. Въ стуг-

дечествѣ тогда шло движеніе въ пользу расширенія студенческихъ правъ: добивались выбора представителей въ академическіе совѣты, устраивали студенческія столовыя и т. д. Но, помимо того, устраивались также по студенческимъ квартирамъ кружки самообразованія, въ которыхъ читались рефераты по общественнымъ вопросамъ. Въ одномъ изъ такихъ кружковъ Кравчинскій излагалъ исторію французской революціи по Луи Блану ¹⁾. Мы съ нимъ поддерживали также сношенія съ артиллерійскимъ училищемъ, гдѣ остались нѣкоторые члены нашего юнкерскаго кружка. Съ этой цѣлью устраивались небольшія собранія на квартирѣ одного артиллерійскаго офицера ²⁾.

Въ общемъ, этотъ годъ прошелъ для меня довольно однообразно. Я много работалъ надъ выясненіемъ для себя общественныхъ задачъ и особенно мучился надъ разрѣшеніемъ еще совсѣмъ темнаго для меня вопроса о возможной формѣ революціоннаго движенія въ Россіи. При моемъ, тогда еще совсѣмъ изолированномъ, существованіи, этотъ вопросъ стоялъ передо мною, такъ сказать, непосредственно, во всѣхъ своихъ необъятныхъ размѣрахъ, безъ промежуточнаго звена все болѣе и болѣе расширяющейся подготовительной революціонной работы. Я чувствовалъ себя какъ бы одинокимъ передъ лицомъ той огромной волны народнаго движенія, которую предстояло вызвать на поверхности еще мертваго океана народной жизни. Ходъ революціоннаго движенія рисовался мнѣ тогда въ своихъ самыхъ примитивныхъ очертаніяхъ: въ видѣ всеобщаго и великаго народнаго возстанія, а революціонная дѣятельность рисовалась въ такихъ же примитивныхъ чертахъ — въ видѣ руководящей и всепоглощающей роли извѣстныхъ историческихъ героев: Дантона, Камилла Демулена, Лассаля съ его агитаціонными рѣчами. Но здѣсь являлось неизбежное сопоставленіе своихъ собственныхъ силъ съ силами этихъ большихъ людей; а отсюда возникала даже нѣкоторая подавленность настроенія. Я хорошо помню, что чтеніе и пересчитываніе наиболѣе яркихъ страницъ исторической и агитаціонной литературы всегда оставляло во мнѣ именно это гнетущее сознаніе собственной безпомощности. Меня мало мучили общіе вопросы міросозерцанія и мало тревожили личныя колебанія: все это

¹⁾ Членомъ этого кружка были, между прочимъ, Мартывъ Лапгансъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей Народной Воли.

²⁾ Е. Е. Емельянова.

было уже установлено достаточно прочно. Хотя теоретическія свѣдѣнія въ области социализма не были тогда у меня особенно велики, но ихъ все-таки хватало для первоначальной постановки вопроса. Мнѣ было извѣстно все главное, что давала тогда русская экономическая литература, т. е., главнымъ образомъ, сочиненія Чернышевскаго и вышедшій первый томъ сочиненій Лассалля; по-французски я прочелъ нѣкоторыя изъ сочиненій Прудона и Луи Блана, а по-англійски очень тщательно изучилъ политическую экономію Милля. По-нѣмецки я не читалъ и о Марксѣ имѣлъ понятіе лишь изъ разговоровъ съ Кравчинскимъ. Въ общемъ, теоретическая сторона социализма не вызывала тогда во мнѣ никакихъ мучительныхъ сомнѣній: возможность замѣны существующей экономической организаціи организаціей, основанной на трудовомъ началѣ, была въ моихъ глазахъ доказана безусловно. Также удовлетворительно былъ рѣшенъ личный вопросъ: „отреченіе отъ стараго міра“ не требовало даже никакихъ особыхъ усилій: внутренне все существо рвалось навстрѣчу лучшимъ идеаламъ, навстрѣчу призывамъ нашихъ великихъ учителей. Но куда идти? Что дѣлать? Какъ выполнить свой общественный долгъ? Здѣсь русская жизнь еще не давала тогда никакихъ руководящихъ нитей; у насъ не было даже признаковъ сколько-нибудь сформированной социалистической партіи; зачатки революціонныхъ организацій 60-хъ годовъ исчезли безслѣдно, и отдѣльнымъ членамъ революціоннаго поколѣнія начала 70-хъ годовъ приходилось искать свою дорогу ощупью, что, конечно, было тяжело и мучительно.

Потребность выхода изъ этого несоотвѣтствія между огромностью задачи и размѣрами единичныхъ силъ была такъ настоятельна, что жизненная практика нашла для него временное разрѣшеніе въ формѣ революціонныхъ кружковъ или такъ называемыхъ „коммунъ“. Эти революціонные кружки и коммуны сыграли въ свое время большую роль въ исторіи развитія русскаго революціоннаго движенія; въ нихъ вырабатывались теоретически первоначальные элементы будущихъ программъ; въ нихъ складывались характеры участниковъ движенія. У многихъ изъ этихъ участниковъ связаны съ ихъ кружками лучшія воспоминанія молодости; они нашли въ нихъ удовлетвореніе личнымъ сторонамъ жизни; тѣсная кружковая дружба замѣняла имъ порванные связи съ семьей и обществомъ.

Какъ всякое орудіе борьбы, эти кружки получили из-

вѣстную дань напadoкѣ и клеветы со стороны враждебнаго лагеря. Ихъ обвиняли въ подавленіи индивидуальных стремленій, въ подчиненіи менѣе сильныхъ людей вліянію болѣе сильныхъ и т. д. Всякій политическій прокуроръ считалъ своимъ долгомъ громить въ обвинительномъ актѣ чудовищную безнравственность этихъ революціонныхъ коммуъ. Но можно смѣло сказать, что отстраненіе отъ кружковыхъ организацій и стремленіе замкнуться въ рамки индивидуальнаго развитія почти всегда указывало тогда, даже при крупныхъ личныхъ способностяхъ, на большое преобладаніе эгоистическихъ наклонностей. Даже огромныя личныя силы, въ примѣненіи къ великимъ общественнымъ задачамъ, необходимо должны были обнаружить всю свою недостаточность, — тогда какъ чисто эгоистическія стремленія, конечно, очень удобно укладывались въ рамки изолированнаго существованія при полномъ расцвѣтѣ всѣхъ красотъ индивидуальнаго развитія.

Въ первый годъ своей студенческой жизни я еще не сблизился ни съ одною революціонною группою; хотя я былъ знакомъ съ братомъ Ольги Шлейснеръ, состоявшей членомъ уже возникшаго тогда кружка чайковцевъ, но ничего не зналъ о самомъ кружкѣ. Только разъ ко мнѣ на квартиру было принесено на храненіе отъ этого кружка нѣсколько мѣшкoвъ съ книгами, за которыми усиленно гонялись жандармы. Кружокъ чайковцевъ занимался тогда издательствомъ и распространеніемъ по провинціальнымъ городамъ легальныхъ книгъ съ общественнымъ направленіемъ; дѣло это велось широко ¹⁾; Третье Отдѣленіе напало на его слѣды и стало производить обыски и аресты. Мѣшки съ книгами были принесены ко мнѣ Синегубомъ, который, впрочемъ, немедленно же ушелъ. Познакомился я съ нимъ впоследствии, когда самъ былъ принятъ въ число членовъ кружка.

Такъ прошла зима 1871—72 гг. Къ лѣту я сдать экзамены съ I на II курсъ Технологическаго института и уѣхать на лѣто, по старой памяти, домой, въ Московскую губернію. Здѣсь я скоро очень сблизился съ однимъ студентомъ

¹⁾ Кружокъ отчасти самъ издавалъ книги («Исторію 48 года» Луи Влана, «Рабочій вопросъ» Ланге, «Азбуку социальныхъ наукъ» Флеровскаго, «Исторію Коммуны» Корьеца и Ланжоля, второе изданіе «Историческихъ писемъ» Лаврова, второе изданіе «Положенія рабочаго класса» Флеровскаго), отчасти входилъ въ соглашеніе съ другими издательствами и приобреталъ съ большою уступкой ихъ книги для разсылки по провинціямъ.

Петровской академіи, братомъ вышеупомянутаго почтеннаго земскаго дѣятеля Д*, такъ что осенью мы съ нимъ вмѣстѣ поѣхали въ Петербургъ. Лѣтомъ мы видѣлись ежедневно и, между прочимъ, читали первый томъ вышедшаго тогда перевода „Капитала“. Но на этотъ разъ Марксъ далъ мнѣ очень немного, по сравненію съ тѣмъ, что уже было усвоено мною изъ Чернышевскаго и Лассаля. Оцѣнилъ я его только при второмъ чтеніи, въ 1876 году, въ Петропавловской крѣпости.

Наиболѣе памятнымъ для меня въ это лѣто было знакомство съ народной учительницей, невѣстой моего новаго товарища. Это была преданная народу дѣвушка, всецѣло отдававшая себя служенію ему; она вся была проникнута настроеніемъ очень извѣстнаго тогда среди молодежи романа Мордовцева „Знаменіе времени“. Для меня это знакомство было важно въ томъ отношеніи, что оно указало мнѣ на одну изъ возможныхъ конкретныхъ формъ сближенія съ народомъ. Положеніе народнаго учителя стало на нѣкоторое время въ моихъ глазахъ какъ бы политическимъ знаменемъ, и съ этой мыслью я уѣхалъ въ Петербургъ.

Но я еще не считалъ себя достаточно подготовленнымъ теоретически; я еще не считалъ возможнымъ оторваться тогда отъ умственного центра и уйти съ своими наличными силами въ глушь. Зима 1872—73 гг. началась для меня такъ же замкнуто, съ усиленнаго чтенія у себя дома, въ небольшой студенческой комнатѣ, которую мы заняли съ Д* на набережной Екатерининскаго канала. На лекціи второго курса Технологическаго института я уже пересталъ ходить, порѣшивъ окончательно бросить университетскую науку. Въ области моихъ теоретическихъ занятій я былъ поглощенъ тогда, главнымъ образомъ, чтеніемъ „Позитивной Философіи“ Кюнта; читалъ я его очень медленно и успѣлъ прочесть только два первыхъ тома, но это чтеніе было для меня очень важно въ смыслѣ приобрѣтенія устоевъ общаго міросозерцанія. И, вообще, не былъ способенъ поглощать массы книгъ, такъ какъ не обладалъ большою памятью; поэтому я еще со времени артиллерійскаго училища выбиралъ преимущественно капитальныя сочиненія: „Происхожденіе видовъ“ Дарвина, „Физиологическія писма“ Фохта, „Исторію цивилизаціи“ Вокля, „Исторію французской революціи“ Зибеля и сидѣлъ надъ ними съ большою настойчивостью. Стремленіе къ саморазвитію было вложено въ насъ тѣми серьезными и даже суровыми требованіями, какія предъявлялись къ обществен-

ной дѣятельности со стороны идейныхъ руководителей тогдашней русской молодежи. Наше представленіе о „новыхъ людяхъ“ неразрывно связывалось съ именами Лопухова, Кирсанова, Рахметова; а требованія этихъ людей были очень велики. Вся та эстетическая сторона культуры, которая отвергалась нашими учителями, отвергалась ими во имя болѣе важныхъ и настоятельныхъ потребностей общественной жизни. Чтобы имѣть право относиться пренебрежительно къ изящнымъ искусствамъ, надо было замѣнить ихъ въ своемъ развитіи тѣмъ, что ставилось выше; а въ этомъ отношеніи роли науки и умственной подготовки никогда еще не ставилась такъ высоко въ жизни и въ исторіи, какъ въ литературѣ 60-хъ годовъ.

Извѣстно, что вопросы личной морали тщательно разрабатывались въ томъ кругѣ людей, который былъ охваченъ революціоннымъ движеніемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, и это прежде всего потому, что это революціонное движеніе было въ основѣ своей социалистическимъ, т. е., стремилось къ полному социальному переустройству; а всякое социальное переустройство необходимо обнимаетъ личную нравственность, точно также какъ всякій данный общественный строй необходимо создаетъ свою собственную мораль. Можно прекрасно быть политическимъ радикаломъ и гордо охранять „независимость“ своей личной жизни. Священные права индивидуальности составляютъ въ этомъ случаѣ какъ бы коррелятивъ священныхъ правъ собственности. Если вы обратите вниманіе на то, чѣмъ поддерживается, въ настоящемъ социальномъ строѣ притязаніе на полную независимость своей индивидуальной жизни, на большую широту ея размаха, то вы увидите, что оно поддерживается, въ концѣ концовъ, привилегированнымъ экономическимъ положеніемъ. Ясное дѣло, что въ такихъ только предѣлахъ и допускалось тогда у насъ кружковое посягательство на неприкосновенность индивидуального строя жизни; но въ этихъ предѣлахъ оно, несомнѣнно, было вполне законно и было связано со всѣмъ нашимъ социалистическимъ міросозерцаніемъ.

Вотъ почему социалисты „перваго призыва“, которыхъ крайне ограниченные размѣры доступной тогда общественной дѣятельности заставляли обращать особое вниманіе на интенсивность борьбы, а слѣдовательно, и на ея внутреннюю подготовку, такъ серьезно были заняты вопросами личной морали, а эти вопросы личной морали были тѣсно связаны съ вопросами умственного развитія.

Одною изъ теоретическихъ работъ въ данной области, вызвавшей много обсужденій и рефератовъ въ кружкѣ чайковцевъ (какъ я узналъ впоследствии), была статья П. Лаврова въ „Отечественныхъ Запискахъ“: „Современныя ученія о нравственности“¹⁾. Основная мысль этой статьи заключалась въ томъ, что вся личная мораль можетъ быть построена на стремленіи къ собственному *умственному развитію*. Это стремленіе неизбѣжно вызывается въ человѣкѣ непосредственнымъ ощущеніемъ той особой радости, какую онъ испытываетъ отъ сознанія своего умственного усовершенствованія, а это сознаніе неизбѣжно является вслѣдъ за приобрѣтеніемъ новыхъ знаній и новыхъ идей. Такимъ образомъ, во внутренней жизни человѣка возникаетъ сильный личный стимулъ, влекущій его все дальше и дальше къ своему собственному умственному развитію, пока это стремленіе не обращается въ непобѣдимую привычку и не связывается съ представленіемъ объ идеалѣ развитой личности. Переходъ къ общественнымъ идеаламъ и къ общественной дѣятельности былъ построенъ здѣсь на томъ, что человѣкъ можетъ осуществить свое стремленіе къ личному развитію лишь въ извѣстно-общественной средѣ.

Большой интересъ, вызванный этими идеями человѣка 60-хъ годовъ, который былъ затѣмъ однимъ изъ теоретическихъ руководителей поколѣнія 70-хъ годовъ, хорошо указываетъ, на какую высокую ступень ставилось тогда умственное развитіе.

Наконецъ, въ томъ же направленіи дѣйствовало все вліяніе Писарева, поскольку онъ связывалъ въ своихъ статьяхъ призывъ къ личному развитію съ призывомъ къ общественной дѣятельности.

Вообще, умственная сторона жизни, строго-логическое обоснованіе самыхъ возвышенныхъ побужденій занимали огромное мѣсто въ общественной психологіи 60-хъ и 70-хъ годовъ. Извѣстно, на какой непреклонно-утилитарной точкѣ зрѣнія стоялъ Чернышевскій въ своихъ выводахъ относительно того, какъ должны были поступать въ жизни порядочные люди. Даже Рахметовъ, котораго Чернышевскій самъ характеризовалъ, какъ *особаго* человѣка, не похожаго на остальныхъ людей, все высчитывалъ и все доказывалъ по формулѣ: такъ надо, потому что это выгодно, а такъ не

¹⁾ См. «Отечеств. Записки», 1870 г., №№ 3, 4, 5, 6 и 8. Вышла отдѣльнымъ изданіемъ въ 1904 г. Ред.

надо, потому что это невыгодно. Каждый шагъ личной жизни, каждое рѣшеніе въ общественной области надо было обосновать логическими соображеніями, надо было *доказать* съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ. Въ теченіе очень долгаго времени идея *непосредственнаго* внутренняго влеченія, непосредственныхъ чувствъ и страстей, часто не имѣющихъ ничего общаго съ логикой, была совсѣмъ изъята у насъ изъ разсмотрѣнія даже въ научной области, касающейся нравственныхъ вопросовъ. „Теорія нравственныхъ чувствъ“ Адама Смита, являющаяся прямой предшественницей современнаго научнаго пониманія происхожденія альтруистическихъ стремленій въ человѣкѣ, была совершенно забыта. Въ буржуазныхъ сферахъ она была вытѣснена дѣйствительнымъ господствомъ мотивовъ личнаго разсчета (при извѣстномъ приспособленіи къ данному случаю дарвиновской теоріи борьбы за существованіе), а въ кружкахъ, охваченныхъ социалистическимъ движеніемъ, она замѣнялась стремленіемъ обосновать свои общественныя взгляды неопровержимыми логическими доказательствами. Люди, подчинившіе всю свою жизнь требованію общественнаго долга, въ основѣ котораго лежала именно эмоциональная сторона психики, не хотѣли признавать своихъ *личныхъ* стремленій законнымъ элементомъ въ рѣшеніи общественныхъ задачъ. Отдавая себя всецѣло на служеніе общественному дѣлу, они какъ бы устранили себя изъ состава заинтересованныхъ сторонъ.

Это объяснялось, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что, по существу своему, то революціонное движеніе, которымъ были охвачены поколѣнія 60-хъ и 70-хъ годовъ (а также и дальѣйшія), было чисто-классовымъ; оно вытекало изъ полной противоположности экономическихъ интересовъ различныхъ общественныхъ слоевъ; но при этомъ участники и инициаторы этого движенія сами не принадлежали къ тому общественному классу интересы котораго они защищали: они были отщепенцами своего класса „кающимися дворянами“, и, слѣдовательно, должны были относиться въ высшей степени недовѣрчиво ко всѣмъ своимъ личнымъ побужденіямъ.

Но, кромѣ того, полное „отреченіе отъ стараго міра“ уже вообще предполагаетъ, что полныя мотивы, связывающіе человѣка съ окружающею дѣйствительностью, заранѣе устраниаются изъ разсмотрѣнія, причемъ на сценѣ остаются лишь соображенія общаго характера, касающіеся условій всего общественнаго переустройства; а такого рода расчеты и со-

ображенія неизбежно требуютъ теоретическихъ знаній. Какой-нибудь сельскій хозяинъ или коммерсантъ могутъ прекрасно обойтись во всей своей жизненной практикѣ безъ всякихъ научныхъ общественныхъ теорій, довольствуясь одними спеціальными свѣдѣніями въ своей области; они могутъ по чистой совѣсти относиться къ вершинамъ науки, какъ къ излишней роскоши, и нисколько не печалиться по поводу своего круглаго невежества въ сферѣ общественныхъ вопросовъ. Даже политическимъ дѣятелямъ буржуазнаго лагеря не приходится много заботиться о выясненіи объективныхъ общественныхъ истинъ; имъ необходимо лишь хорошо усвоить какую-нибудь готовую теорію, соответствующую ихъ основному личному стремленію къ охраненію извѣстныхъ классовыхъ интересовъ, сущность которыхъ уже *ощущается ими непосредственно и безошибочно* всѣмъ ихъ существомъ.

Но попробуйте обойтись безъ научныхъ истинъ въ томъ положеніи, когда вы лично совершенно не заинтересованы въ окружающихъ васъ жизненныхъ, практическихъ интересахъ, когда своими непосредственными психо-физиологическими ощущеніями вы не можете оцѣнивать желательности или нежелательности данныхъ общественныхъ переменъ. Вы вкладываете всѣ свои личные силы въ общественное дѣло, и весь личный вопросъ сводится для васъ тогда къ тому, какое будетъ сдѣлано изъ нихъ употребленіе: производительное или непроизводительное; здѣсь безошибочность своихъ собственныхъ, если такъ можно выразиться—*утробныхъ* инстинктовъ уже не помогаетъ; здѣсь нужны теоретическія знанія; надо сколько-нибудь понимать сложный ходъ общественной жизни, надо выяснить для себя въ возможно большей степени такъ называемые „проклятые вопросы“; иначе вы окажетесь въ томъ положеніи, какого не можетъ перенести ни одна сознательная личность: вы отдаете всѣ свои жизненные ресурсы, надежды и ожиданія на такое дѣло, о ходѣ котораго даже не желаете получить доступныхъ вамъ свѣдѣній; такое равнодушіе противорѣчило бы самому понятію о жизни, ея основному инстинкту. Одни люди вкладываютъ свои интересы въ сельское хозяйство, другіе—въ богатство и въ отстаиваніе своихъ правъ на него, третьи—въ общественное движеніе: но если только человѣкъ не утратилъ основного инстинкта жизни, желанія поддерживать свое существованіе, то онъ не можетъ относиться безразлично къ данному источнику всѣхъ своихъ жизненныхъ интересовъ.

Такимъ образомъ, стремленіе къ научной истинѣ, вполне искреннее и интенсивное желаніе выяснитъ для себя общіе законы, уравнивающіе развитіемъ общественной жизни, прямо вытекаетъ изъ основной постановки личнаго вопроса со стороны людей, всецѣло посвящающихъ себя дѣлу общественнаго переустройства; это — не ихъ индивидуальное свойство, а свойство того положенія, въ какое они ставятъ себя; это стремленіе такъ же естественно и неизбежно, какъ естественно и неизбежно, скажемъ, банкиру интересоваться выясненіемъ хода предпріятія, на которое онъ затратилъ весь свой наличный капиталъ.

Вотъ почему вопросы умственнаго развитія, вопросы крайне серьезнаго отношенія къ высшимъ сферамъ знанія были неразрывно связаны съ господствующими жизненными стремленіями описываемаго мною круга людей. То пристрастіе къ книгѣ, та погоня за послѣдними пріобрѣтеніями общественныхъ наукъ, то необычайно горячее и даже страстное отношеніе къ теоріи, какими отличаются люди этого круга, вовсе не является случайностью; напротивъ того, все это необходимо вытекаетъ изъ занятаго ими общественнаго положенія. Эти „недоучки“, бросающіе высшія школы и пріобрѣтающіе никакихъ спеціально-техническихъ познаній, неизбежно являются очень образованными людьми въ области общественныхъ и философскихъ наукъ, на эту именно область всецѣло затрачиваются ими всѣ ихъ умственные силы, освобожденные отъ серьезнаго добросовѣстнаго изученія какой-нибудь медицины, юриспруденціи или технологіи.

И, какъ средній представитель того круга людей, къ которому я тяготѣлъ съ ранней юности всею своею душою и къ которому я, въ концѣ концовъ, присоединился безраздѣльно, я былъ очень серьезно занятъ своимъ собственнымъ умственнымъ развитіемъ. Мнѣ врядъ ли надо оговариваться, что такого рода подробности моей личной жизни сообщаются здѣсь лишь въ качествѣ общихъ чертъ данной среды и только въ качествѣ таковыхъ, конечно, могутъ интересовать читателя. Желая подробнѣе выяснитъ нѣкоторыя очень важныя стороны движенія начала 70-хъ годовъ, затронутыя въ живомъ и въ высшей степени конкретномъ разсказѣ моего стараго товарища Н. Морозова, я не могъ ограничиться одними отвѣченными поправками или дополненіями; я долженъ былъ вызвать для этого въ своей памяти также хоть какія-нибудь конкретныя, фактическія указанія,

которыя, естественно, всего лучше удержались въ связи съ подробностями личной жизни.

Движеніе начала 70-хъ годовъ приняло къ веснѣ 1874 года, съ которой начинается разсказъ Морозова, уже *массовый* характеръ среди русской революціонной интеллигенціи; но та волна его, которая захватила собою въ Москвѣ молодого основателя „Общества естествоиспытателей“, была не первою волною этого движенія; оно готовилось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ болѣе медленнымъ процессомъ кружковой жизни; и вотъ объ этомъ именно подготовительномъ процессѣ движенія я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ въ предлагаемыхъ замѣткахъ.

Сидя за книгами въ своей студенческой комнатѣ на Набережной Екатерининскаго канала, я еще не принималъ тогда личнаго участія въ жизни моего будущаго кружка; но этотъ кружокъ уже постепенно приближался ко мнѣ, хотя, по своему обычаю, съ очень большою осмотрительностью. Кравчинскій, уже состоявшій тогда членомъ кружка чайковцевъ, каждую недѣлю, по воскресеньямъ, приходилъ къ намъ съ Д* утромъ изъ Лѣснаго института, а иногда и наканунѣ вечеромъ, причемъ ночевалъ у насъ на полу въ нашей небольшой комнатѣ. Приходилъ онъ обыкновенно съ книгами по русской исторіи и говорилъ, что дастъ у кого-то уроки. Въ дѣйствительности, онъ читалъ тогда еженедѣльно лекціи по исторіи кружку заводскихъ рабочихъ Васильевского Острова, вмѣстѣ съ Кропоткинскимъ, Сердюковымъ, Ельцинскимъ и Чайковскимъ, которые вели пропаганду среди заводскихъ рабочихъ преимущественно въ этомъ районѣ ¹⁾. Кравчинскій, конечно, долженъ былъ говорить обо мнѣ своимъ новымъ товарищамъ, но одного его мнѣнія было еще недостаточно для приглашенія меня въ среду этой очень тщательно подбиравшейся и тѣсно сплоченной революціонной группы.

Вскорѣ Кравчинскій принесъ мнѣ для перевода отрывокъ, не помню точно, изъ какой именно книги, кажется — Эскироса, о положеніи французскихъ крестьянъ передъ революціей. Предложивъ мнѣ перевести этотъ отрывокъ, онъ сказалъ, что переводъ нуженъ, какъ матеріалъ для

¹⁾ Подробнѣе о дѣятельности кружка чайковцевъ я разсказалъ въ моихъ воспоминаніяхъ о Сергѣѣ Кравчинскомъ — «Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ». (См. «Вѣстникъ Рус. Революціи», 1903 г., № 3. и отдѣльное изданіе брошюрой. Спб. 1906 г. В. Распопова. Статья вошла въ настоящій выпускъ. Р е д.).

народныхъ книжекъ, составленіемъ которыхъ занята одна группа. Переводъ я долженъ былъ отнести по указанному адресу къ Михаилу Васильевичу Купреянову, о которомъ я раньше ничего не зналъ и не слышалъ.

Когда я пришелъ къ Купреянову, то встрѣтилъ очень еще молодого человѣка, лѣтъ 18-ти, но совсѣмъ не казавшагося слишкомъ юнымъ. Съ необыкновенно серьезнымъ взглядомъ огромныхъ темныхъ глазъ, съ смуглымъ, землисто-сѣраго цвѣта лицомъ и очень высокимъ лбомъ, отчасти закрывавшимися падавшими на него волосами, онъ произвелъ на меня сразу же импонирующее впечатлѣніе. Я не помню хорошо нашей бесѣды, но она скоро перешла на вопросъ о народномъ движеніи. Я высказалъ свой взглядъ, — но всѣй вѣроятности, очень революціонный, но сводившійся къ общимъ мѣстамъ о народномъ возстаніи, о революціонной агитаціи и пр. Купреяновъ сталъ говорить о роли самого народа, о значеніи его собственнаго отношенія къ дѣлу и привелъ въ поясненіе своей мысли тѣ грустные размысленія Чернышевскаго, гдѣ онъ открыто признаетъ безсиліе интеллигенціи и даже ничтожное значеніе своей собственной литературной дѣятельности. Я опять повторяю, что помню лишь общій смыслъ нашего разговора, но хорошо помню то впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на меня. Я увидѣлъ, что этотъ юноша затрагиваетъ глубину вопроса, что онъ не горячится, не воодушевляетъ себя революционными фразами, но что у него сильно работаетъ мысль. Въ мѣстѣ съ тѣмъ въ немъ чувствовалась большая душевная сила. Искренность его рѣчи, совершенная прямота и серьезность его отношенія къ вопросу даже не заботили его; въ немъ была та степень внутренней убѣжденности и внутренней силы, при которой человѣкъ уже не заботится о впечатлѣніи, производимомъ имъ на другихъ. Позднѣе, когда мы съ нимъ очень сблизились (это было уже въ тюрьмѣ), онъ какъ-то охарактеризовалъ мнѣ себя, какъ очень *наивнаго* человѣка; это было сказано при разсказѣ о его завязывавшемся было, но скоро оборвавшемся романѣ во время его поѣздки за границу, и я думаю, что онъ говорилъ тогда о своей наивности въ этомъ именно смыслѣ. Но главное и преобладающее впечатлѣніе, какое я вынесъ изъ этой первой встрѣчи съ Купреяновымъ, было сознаніе его большого умственного превосходства. Это былъ, какъ мнѣ кажется, самый умный человѣкъ, какого я только встрѣчалъ въ жизни. Въ немъ не было блестящихъ ум-

ственныхъ свойствъ, въ немъ не было ни тѣни краснорѣчія, и онъ даже жаловался на слабость своей памяти, которая мѣшала ему научиться иностраннымъ языкамъ; но въ немъ была огромная сила мысли и способность проникать въ глубину вещей. Онъ рѣдко повторялъ идеи другихъ писателей, кромѣ самыхъ первостепенныхъ, причемъ нельзя было даже сказать, чтобы онъ читалъ этихъ первостепенныхъ писателей: онъ скорѣе передумывалъ ихъ. Такъ, напримѣръ, онъ читалъ первыя двѣ главы „Капитала“ Маркса въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, лежа по цѣлымъ днямъ на своей постели. Онъ говорилъ мнѣ потомъ, что добивался при этомъ чтеніи того, чтобы перевести крайне отвлеченное и частью метафизическое изложеніе Маркса въ область конкретныхъ явленій, и что это было очень трудно. Онъ много занимался также высшей математикой. Вообще, его умственное развитіе шло совсѣмъ особымъ путемъ. Онъ очень рано бросилъ гимназію—если не ошибаюсь, будучи еще въ четвертомъ классѣ, а затѣмъ сталъ учиться самостоятельно, по своему собственному плану. Нѣкоторые гимназическіе предметы такъ и остались у него въ полномъ забросѣ, вслѣдствіе чего о русской орфографіи, напримѣръ, онъ имѣлъ очень недостаточное представленіе; но зато семнадцатилѣтнимъ юношей онъ уже достигъ большой зрѣлости въ самыхъ сложныхъ вопросахъ, какъ личной, такъ и общественной жизни, и уже тогда занимать выдающееся положеніе въ кружкѣ чайковцевъ.

Мое мнѣніе о Купреяновѣ, какъ объ очень выдающемся человѣкѣ, не было единичнымъ. Всѣ безъ исключенія члены кружка чайковцевъ, среди которыхъ было немало очень замѣтныхъ людей, относились къ его огромнымъ мыслительнымъ способностямъ съ особымъ уваженіемъ, несмотря на его большую молодость. Когда, послѣ моего перваго свиданія съ нимъ, я употребилъ въ отвѣтъ на вопросъ Кравчинскаго о моемъ впечатлѣніи неудачное выраженіе: „очень неглубинный“, то онъ сейчасъ же возразилъ мнѣ: „Какъ очень неглубинный? Да это—очень *умный* человѣкъ“. Кравчинскій чувствовалъ къ Купреянову большую привязанность. Когда послѣдній бывалъ у него въ Лѣсномъ, то Кравчинскій часто ходилъ провожать его до города, на Можайскую улицу, а затѣмъ, не будучи въ состояніи прервать бесѣды, они иногда возвращались вмѣстѣ обратно въ Лѣсное, и т. д.

Но Купреянова цѣнили въ кружкѣ чайковцевъ не

только за его большой умъ. Это была также большая революціонная сила, въ смыслѣ извѣстнаго вліянія на окружающихъ. Кромѣ того вліянія, какое всегда оказываетъ въ этомъ случаѣ большой умъ, заставляя болѣе слабые умы признать правильность данныхъ выводовъ, и тѣмъ какъ бы *принуждая* людей слѣдовать именно данному направленію и часто производя на нихъ эту невидимую силою болѣе могущественное давленіе, чѣмъ какое могли бы оказать самые грозные виѣшніе импульсы,—въ Купреяновѣ таилась еще огромная моральная власть надъ людьми, обусловленная его собственной нравственной силой. Когда человѣкъ безъ малѣйшаго колебанія предъявляетъ къ самому себѣ самыя суровыя требованія, онъ безъ такого же колебанія предъявляетъ ихъ къ другимъ,—и въ этомъ именно заключается главное условіе всякаго моральнаго вліянія. Окружающіе безсознательно ощущаютъ на себѣ это высшее нравственное право и подчиняются ему—точно такъ же, какъ они неизбѣжно ощущаютъ надъ собою умственное превосходство и также подчиняются ему идейно. Освободиться отъ этого принудительнаго моральнаго или идейнаго воздѣйствія можно, только покрывивши своимъ собственнымъ умомъ или своею совѣстью,—что въ еще не-испорченномъ человѣкѣ происходитъ съ большимъ затрудненіемъ. На этомъ совершенно неустранимомъ фактѣ основана вся тайна вліянія такъ называемыхъ агитаторовъ; возмущаться этимъ явленіемъ, негодовать на козни революціонеровъ совершенно безплодно. Кромѣ того, это значить желать, чтобы предполагаемыя жертвы революціонной агитациі, при освобожденіи себя отъ ея власти, принимали, по отношенію къ своему собственному идейному или моральному сознанію или *меньше умныя*, или *меньше нравственныя* рѣшенія.

Вліяніе Купреянова на встрѣчаемыхъ имъ людей было еще тѣмъ сильнѣе, что онъ обладалъ въ значительной степени тѣмъ свойствомъ, которое можно назвать психологическою проницательностью; онъ умѣлъ хорошо видѣть внутренний міръ другого, умѣлъ разгадывать затаенныя душевныя движенія. Въ разговорѣ съ нимъ вы чувствовали, что онъ какъ бы читаетъ ваши мысли, причемъ на его лицѣ появлялась тогда улыбка, иногда—добрая, иногда—пес-добрая, смотря по обстоятельствамъ; и я думаю, что этой улыбкой дорожили или боялись ее многіе люди. Вообще, Купреяновъ часто смѣялся, и какъ-то непроизвольно, при-

чемъ послѣ припадка смѣха, лицо его вдругъ принимало свое обычное, очень серьезное выраженіе, а большіе глаза опять смотрѣли строго. Эти чудные большіе, темные глаза, умные и глубокіе, такъ и не успѣли высказать всего, что могли. Михаилъ Купрейновъ погибъ очень рано. Онъ былъ арестованъ въ началѣ 1874 года и просидѣлъ въ тюрьмѣ вплоть до суда, т. е., до начала 1878 года, когда судъ (по процессу 193-хъ) приговорилъ его къ сравнительно легкому дополнительному истязанію—ссылкѣ на житье въ сѣверныя губерніи. Но четырехлѣтнее одиночное заключеніе уже сдѣлало свое дѣло; „мѣра предупрежденія и пресѣченія“ достигла своей настоящей цѣли: она успѣла достаточно истощить его организмъ и медленно пестернать до конца запасы его физическихъ силъ. Почти наканунѣ выхода изъ тюрьмы онъ, всегда страдавшій плохимъ желудкомъ, заболѣлъ перитонитомъ и черезъ нѣсколько дней умеръ въ одиночной камерѣ Петровпавловской крѣпости.

Купрейновъ всегда принималъ дѣятельное участіе при обсужденіи въ кружкѣ чайковцевъ вопроса о пріемѣ какого-нибудь новаго члена. Его голосъ, вмѣстѣ съ голосомъ Перовской, очень много значили въ этихъ дѣлахъ и всегда были направлены въ сторону строгаго выбора. Тщательность подбора своихъ членовъ и большая забота о конспиративныхъ и другихъ необходимыхъ требованіяхъ революціонной дѣятельности составляли одну изъ главныхъ особенностей этого кружка, соответствовавшихъ общему характеру его задачи. Это была *подготовительная* работа, рассчитанная на болѣе или менѣе продолжительное время, а для такой работы требовались не массовыя, а единичныя силы. Поэтому каждый новый участникъ этой работы долженъ былъ представлять собою извѣстную величину, и притомъ безъ большихъ изъясновъ въ какихъ-либо сторонахъ, имѣющихъ значеніе при данныхъ условіяхъ кружковой жизни и дѣятельности. Нужно было обращать огромное вниманіе не только на положительныя свойства, но также и на ихъ гармонію съ другими требованіями.

Моя встрѣча съ Купрейновымъ, очевидно, была устроена въ виду моею предполагавшейся кандидатуры, но вопросъ и на этотъ разъ остался пока еще нерѣшеннымъ. Я же, не зная, разумѣется, закулисной стороной дѣла, уѣхалъ скорѣе послѣ того съ Д* въ Москву, гдѣ у него было довольно

много личных знакомств. Здѣсь, къ веснѣ 1873 года, въ меблированныхъ комнатахъ Скворцовой, на Моховой, гдѣ онъ поселился послѣ своей женитьбы, постоянно собиралась разнаго рода молодежь, и, вообще, образовалось нѣчто въ родѣ небольшого центра съ общимъ революціоннымъ направленіемъ, но безъ опредѣленныхъ плановъ. Сколько-нибудь крупной организаціи въ Москвѣ тогда не существовало. Тихомировъ, жившій тогда въ Москвѣ, хотя уже и состоялъ въ сношеніяхъ съ кружкомъ чайковцевъ, но не находилъ вокругъ себя ничего такого, что могло бы создать элементы для самостоятельной группы, а потому осенью 1873 г. бросивъ Московскій университетъ, перебрался въ Петербургъ, гдѣ примкнулъ къ работѣ петербургской организаціи. Съ Тихомировымъ я иногда встрѣчался; познакомился я съ нимъ, кажется, по поводу составлявшейся мною тогда программы чтенія для одного небольшого кружка молодежи. И вотъ, какъ-то зайдя къ нему утромъ, я встрѣтилъ у него еще одного очень виднаго члена кружка чайковцевъ, Н. А. Чарушина, который возвращался тогда въ Петербургъ послѣ объѣзда тѣхъ городовъ, гдѣ у кружка имѣлись свои связи, причемъ велъ также переговоры объ изданіи заграницей революціоннаго журнала, которымъ и явился впоследствии „Впередъ“, подъ редакціей П. Л. Лаврова. Съ Чарушинымъ я разговорился, и онъ очень мнѣ понравился. Такъ какъ разговоръ коснулся у насъ народной литературы, то я передалъ ему (уже не помню, лично или черезъ Тихомирова) только-что написанную мною тогда небольшую брошюру (страничекъ въ 10) съ призывомъ къ народному возстанію. Построена была эта брошюрка на извѣстной баснѣ Крылова: „Въ овечьи старосты у льва просился волкъ“ и, вѣроятно, была написана горячо, потому что пользовалась потомъ успѣхомъ ¹⁾.

Чарушинъ уѣхалъ черезъ день или два, а я остался въ Москвѣ, гдѣ къ тому времени, т. е., къ веснѣ 1873 г. начинали уже возникать болѣе опредѣленные революціонныя предпріятія. Между прочимъ, на квартиру Д* явился какъ-то уже сравнительно болѣе почтенный по виду человекъ,

¹⁾ Этому успѣху я былъ обязанъ своимъ многолѣтнимъ знакомствомъ съ Желябовымъ. Во время процесса 193-хъ, къ которому привлекался и онъ, онъ какъ-то подошелъ ко мнѣ въ тюремномъ корридорѣ и сталъ съ большимъ жаромъ говорить объ этой брошюрѣ. Послѣ того я уже не встрѣчался съ нимъ.

мировой судья Черниговской губернии, также совершавший свой первый объезд по Россіи. Это былъ С. Ф. Ковалитъ, у котораго составилъ тогда планъ населить свой уѣздъ революціонными земскими служащими: учителями, докторами, волостными писарями и т. д. Насколько я помню, планъ этотъ предполагалъ медленный и систематическій захватъ всего административнаго вліянія въ данной мѣстности, и именно по вопросу объ осуществленіи такого захвата у насъ произошелъ споръ, ни приведшій ни къ какому соглашенію.

Ботѣ продолжительными были мои сношенія съ кружкомъ долгушинцевъ, который также появился около этого времени въ Москвѣ. Но этотъ кружокъ не былъ московскаго происхожденія. Главнѣйшіе его члены: Долгушинъ, Дмохвскій, Папинъ и Плотниковъ пріѣхали изъ Петербурга. Ихъ планъ заключался въ томъ, чтобы устроить въ Москвѣ тайную типографію, отпечатать уже бывшія у нихъ въ рукахъ брошюры прокламаціоннаго характера: „Какъ надо жить по закону природы и правды“ и „Къ русскому народу“ ¹⁾, а затѣмъ распространить эти брошюры по деревнямъ на возможно большемъ районѣ, съ цѣлью вызвать народное возстаніе. Для подобнаго рода предпріятія, носившаго характеръ быстраго революціоннаго удара, требовались очень рѣшительные люди, и вся небольшая организація долгушинцевъ состояла именно изъ революціонеровъ такого типа.

Наибольшимъ вліяніемъ среди нихъ пользовался самъ Долгушинъ, котораго я лично, впрочемъ, видѣлъ только два или три раза, такъ какъ онъ пріѣхалъ въ Москву поздно. Изъ его разговоровъ я помню, что онъ рѣзко противопоставлялъ свой способъ дѣятельности программѣ петербургскаго кружка, т. е., кружка чайковцевъ, которыхъ онъ, со свойственной ему довольно ехидной улыбкой, называлъ „книжниками“,—сильно подчеркивая этимъ длительный и какъ бы кунштаторскій характеръ ихъ пропаганды среди рабочихъ. Если не ошибаюсь, Долгушинъ привлекался раньше по печавевскому дѣлу; въ немъ, несомѣнно, были признаки бакунинскаго взгляда на народное движеніе, но я не знаю точно, ѣздилъ ли онъ за границу и видѣлся ли лично съ Бакунинымъ.

¹⁾ Первая изъ нихъ была написана Берви-Флеровскимъ, а вторая—Долгушинимъ.

Изъ всѣхъ долгушинцевъ я всего ближе познакомился съ Иваномъ Ивановичемъ Панинымъ. Это былъ чрезвычайно живой, энергичный и общительный человѣкъ, сильнаго сложенія, съ яркимъ румянцемъ на лицѣ. Онъ немедленно же приступилъ къ рекогносцировкамъ по окружающимъ московскимъ деревнямъ: заходить въ избы, знакомился съ крестьянами, участвовалъ въ ихъ праздникахъ и даже попалъ къ кому-то изъ нихъ на крестины въ качествѣ крестнаго отца. Я помню одну сцену, послужившую, такъ сказать, фактическимъ доказательствомъ этихъ его экскурсій по деревнямъ и его ночевокъ по крестьянскимъ избамъ. Какъ-то онъ пришелъ ко мнѣ съ только-что купленнымъ частымъ гребешкомъ, взялъ листъ газетной бумаги, разостлалъ на столѣ и сталъ быстро вычесывать волосы, наклонившись надъ бумагой, на бумагу посыпался цѣлый дождь насѣкомыхъ. При этомъ онъ весело смѣялся и рассказывалъ мнѣ о своихъ походахъ.

Долгушинъ, при послѣдней встрѣчѣ со мною, уже довольно опредѣленно заговаривалъ о томъ, чтобы я присоединился къ ихъ организации. Такъ какъ я уже искалъ тогда перехода къ непосредственной дѣятельности и уже написалъ съ этой цѣлью письма въ нѣсколько земствъ съ предложеніемъ занять мѣсто народнаго учителя, то весьма вѣроятно, что, въ концѣ концовъ, я примкнулъ бы къ этому кружку, о практическихъ задачахъ котораго я имѣлъ пока еще только общее представленіе, но личный составъ котораго не могъ мнѣ не нравиться. Мой ближайшій тогда товарищъ Д* также относился къ этимъ людямъ очень сочувственно и впоследствии былъ арестованъ по долгушинскому дѣлу. Но мое сближеніе съ долгушинцами было неожиданно прервано. Я получилъ какъ разъ въ это время письмо изъ Петербурга отъ Кравчинскаго, въ которомъ онъ звалъ меня немедленно пріѣхать туда и говорилъ въ достаточно понятныхъ для меня выраженіяхъ о томъ, что меня приглашали вступить въ организацию петербургскаго кружка, о которомъ я уже имѣлъ нѣкоторое представленіе.

Черезъ день или два послѣ того я былъ въ Петербургѣ и явился прямо на ту квартиру, адресъ которой былъ указанъ мнѣ въ письмѣ Кравчинскаго. Это была квартира Чарушина и А. Д. Кувшинской (впоследствии его жены), которые занимали двѣ соседнихъ комнаты на Саратовской улицѣ (тогда состоявшей почти сплошь изъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ). Меня встрѣтили совсѣмъ по-дружески, и я какъ-то сразу почувствовалъ, что попалъ въ

родную среду, къ которой быстро привязался. Вообще, этотъ переходъ отъ моего до тѣхъ поръ сравнительно изолированнаго существованія къ коллективной жизни большого, тѣсно-сплоченнаго кружка чайковцевъ былъ для меня какъ бы вступленіемъ въ новую жизнь. Я сразу почувствовалъ здѣсь ту особую захватывающую человѣка атмосферу, тотъ высшій тонъ жизни, которые свойственны серьезной революціонной дѣятельности; я вошелъ, наконецъ, въ среду людей, встрѣчу съ которыми считаю за самое счастливое событіе въ своей жизни.

Какъ разъ въ день моего пріѣзда, въ кружкѣ было назначено очередное собраніе, и мы вскорѣ же пошли съ Чарушинымъ и Кувшинской на Можайскую улицу, гдѣ была тогда главная квартира кружка. Я помню, что мосты были въ то время разведены по случаю весенняго ледохода, и мы должны были сдѣлать длинный обходъ черезъ Николаевскій мостъ.

На Можайской улицѣ почти всѣ были уже въ сборѣ. Я встрѣтилъ здѣсь Купреянова, который жилъ тутъ же, въ небольшой боковой комнатѣ, встрѣтилъ въ первый разъ Чайковского, увидѣлъ Перовскую—совсѣмъ молодую и незамѣтную дѣвушку, ютившуюся около сестеръ Корниловыхъ, увидѣлъ Ельцинскаго, Кропоткина, Кравчинскаго. Всѣхъ было около пятнадцати человѣкъ.

Разговоръ шелъ о текущихъ дѣлахъ кружка. Здѣсь я узналъ о занятіяхъ съ рабочими, которые велись въ разныхъ концахъ города, о печатавшихся за границей народныхъ книжкахъ, о какихъ-то долгахъ, которые остались на кружкѣ по дѣлу объ издательствѣ легальныхъ книгъ и уладить которые было поручено Чайковскому, и т. д. Всего я, конечно, не помню въ этомъ памятномъ мнѣ засѣданіи, но живо помню нѣкоторыя подробности. Помню, напримѣръ, то замѣтное впечатлѣніе, которое производила въ немъ фигура Чайковского: высокій, живой, съ чрезвычайно простыми, открытыми манерами, онъ, видимо, игралъ большую роль въ дѣлахъ кружка: съ нѣкоторыми изъ членовъ онъ переговаривался о чемъ-то особо, причемъ разъ уводилъ Перовскую и одну изъ сестеръ Корниловыхъ въ другую комнату. Помню также, что Ельцинскій прочелъ здѣсь свое новое стихотвореніе „Кузнецъ“, появившееся потомъ въ народныхъ изданіяхъ. Кропоткинъ былъ старше насъ всѣхъ, но онъ мало говорилъ на этотъ разъ и, какъ потомъ выяснилось для меня, не занималъ руководя-

щаго положенія въ кружкѣ. Если можно было говорить о руководящей роли въ этой революціонной семьѣ, гдѣ все рѣшалось по общему согласію и гдѣ всѣ члены были связаны между собою не только единствомъ взглядовъ, но и тѣсной дружбою, то эта руководящая роль принадлежала скорѣе всего Чайковскому, Чарушину, Куприянову и Перовской; на нихъ болѣе всего падали общія функціи кружка, и они болѣе всего охраняли его конспиративные интересы. Кравчинскій, котораго я всегда считалъ за очень крупнаго человѣка, какъ бы затеривался въ этой средѣ большихъ умовъ и огромныхъ характеровъ. Ельцинскій, очень выдававшійся своими блестящими способностями, никогда не принималъ на себя общей руководящей роли, по свойству своего характера. С. С. Синегубъ—одна изъ яркихъ фигуръ въ кружкѣ—тогда отсутствовалъ: онъ былъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, гдѣ занималъ мѣсто народнаго учителя. Анатолій Сердюковъ, принадлежавшій къ членамъ-основателямъ кружка чайковцевъ, былъ въ это время арестованъ и сидѣлъ при III отдѣленіи. М. А. Натансонъ, которому, главнымъ образомъ, принадлежала самая инициатива возникновенія кружка, уже былъ сосланъ тогда административнымъ порядкомъ въ сѣверныя губерніи.

Моя первоначальная дѣятельность въ кружкѣ чайковцевъ естественнымъ образомъ примкнула къ дѣятельности Чарушина, въ вѣдѣніи котораго находился выборгскій районъ пропаганды. Сначала я только присутствовалъ при его „занятіяхъ“ съ рабочими, какъ у насъ говорилось тогда. Почти ежедневно къ нему на квартиру собиралась по вечерамъ группа рабочихъ, человѣкъ въ 6—8. Они читали съ ними какія-нибудь статьи или выдержки изъ книгъ, иногда общедобразовательнаго характера, по физикѣ, космографіи и т. д., иногда—касавшіяся положенія рабочаго класса, или же что-нибудь по исторіи, въ связи съ политическими вопросами. При этомъ, конечно, завязывались разговоры на общесоциологическія или революціонныя темы. Эти занятія имѣли въ виду выработку сознательныхъ единицъ среди еще незатронутого тогда пропагандой фабричнаго петербургскаго населенія; а эти сознательныя единицы, въ свою очередь, должны были явиться пропагандистами въ своей средѣ. И такія сознательныя единицы, конечно, вырабатывались. Я до сихъ поръ помню нѣкоторые изъ рабочихъ, прихо-

дившихся тогда къ Чарушину: Абакумова, Якова Ивановича, Ефима, Григорія Крылова. Эти сознательные рабочие вели на своихъ фабрикахъ пропаганду, также единичную, подыскивали наиболее подходящіе элементы и приводили ихъ къ „студентамъ“. Изъ такихъ вновь появившихся рабочихъ, желавшихъ заниматься со „студентами“, образовывались новыя группы, которыя передавались въ вѣдѣніе кого-нибудь другого изъ членовъ кружка. Такимъ образомъ, пропаганда постепенно расширялась, хотя очень медленно и всегда въ формѣ выработки *отдѣльныхъ* сознательныхъ единицъ. Нѣкоторые изъ вновь приходившихъ рабочихъ начинали съ того, что просили подучить ихъ грамотѣ или арифметикѣ; нѣкоторые отставали потомъ сами, другихъ отстраняли, какъ не подававшихъ никакихъ надеждъ. Вообще, это были лишь первоначальные шаги по отношенію ко всей массѣ фабричныхъ рабочихъ. Вы встрѣчались не съ представителями рабочей среды, болѣе или менѣе проникнутой классовыми особенностями своего положенія и требовавшей только болѣе сознательнаго руководства; вы встрѣчались съ отдѣльными личностями, выдѣлявшимися изъ совершенно еще инертной среды и не чувствовавшими своей связи съ окружающей ихъ массой. Это придавало совсѣмъ особый характеръ всему движенію и, какъ мы увидимъ ниже, отразилось на дальнѣйшихъ рѣшеніяхъ наиболѣе „сознательныхъ“ изъ затронутыхъ пропагандой рабочихъ. Въ этой первоначальной стадіи движенія еще не было тѣхъ элементовъ, которые давали бы ему возможность принять коллективную форму; въ силу данныхъ объективныхъ условій оно должно было оставаться пока въ разрозненномъ, неорганизованномъ состояніи.

Недѣли черезъ двѣ или три послѣ моего вступленія въ кружокъ, мнѣ на руки была также передана небольшая группа, составленная стараніями рабочихъ, приходившихъ къ Чарушину и Кувшинской. Въ это именно время случилось такъ, что Чарушину надо было снова ѣхать въ объѣздъ по городамъ, главнымъ образомъ, на югъ, въ Одессу, гдѣ дѣйствовала тогда хорошо сплоченная группа Волховскаго¹⁾; Кувшинская уѣхала на свою родину, въ Вятку, и я остался на лѣто одинъ во всемъ выборскомъ

¹⁾ Называю такъ эту группу для краткости. Волховскій былъ наиболѣе известнымъ мнѣ ея представителемъ.

районѣ. Лучшие изъ рабочихъ Чарушина—Абакумовъ и Крыловъ—также уѣхали тогда изъ Петербурга.

Я никогда не отличался большими способностями пропагандиста и могъ вести дѣло только въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, но нѣкоторые изъ сохранившихся въ моей памяти черточекъ, относящихся до моихъ занятій съ рабочими, будутъ все-таки до извѣстной степени освѣщать эту эпоху только-что возникавшаго рабочаго движенія со стороны тѣхъ или иныхъ свойствъ, которыя обнаруживались при этомъ среди самихъ рабочихъ.

Я задумалъ было сначала вести со своей группой систематическія занятія по русской исторіи съ древнихъ временъ, съ географической картой и съ объясненіемъ первоначальнаго происхожденія Руси; но вскорѣ оказалось, что всѣ эти древляне и кривичи мало интересовали моихъ слушателей, а я чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ моей ближайшей цѣли необходимостью останавливаться на мало относившихся къ дѣлу подробностяхъ. Тогда я прямо перешелъ къ отдѣльнымъ, наиболѣе важнымъ эпизодамъ русской исторіи, причемъ огромную помощь при этомъ оказала мнѣ книжка Худякова „Древняя Русь“.

Тогда въ нашихъ рукахъ уже были нѣкоторыя заграничныя народныя брошюры, изданныя нашимъ кружкомъ: сокращенная „Исторія французскаго крестьянина“ Эрмана-Шатриана, немного передѣланная драматическая поэма Навроцкого „Стенька Разинъ“, сборникъ революціонныхъ стихотвореній и т. д., но главнымъ пособіемъ при занятіяхъ съ рабочими служили намъ тогда легальныя книги. Такъ, я помню, что читалъ своему кружку нѣкоторые отрывки изъ Примѣчаній Чернышевскаго къ Политической Экономіи Милля; пользовался также статистическими цифрами, касавшимися бюджета, и книгой Инсона.

Въ качествѣ агитаціонной литературы очень полезны были рассказы Наумова изъ жизни крестьянъ и пріисковскихъ рабочихъ „Мірской учетъ“, „Ежъ“ и другіе. Я помню, какое сильное впечатлѣніе было произведено на сидѣвшихъ у меня рабочихъ, когда Ельчинскій, прекрасно читавшій народныя рассказы, прочелъ имъ по моей просьбѣ только-что появившійся тогда въ „Отечественныхъ Запискахъ“ рассказъ „Ежъ“. гдѣ шло дѣло о двухъ сознательныхъ пріисковскихъ рабочихъ, старикѣ и молодомъ „Ежѣ“, которые вызываютъ волненіе во всей пріисковской рабочей толпѣ по поводу неправильнаго расчета.

Изъ посѣщавшихъ меня рабочихъ (всего у меня перебывало въ это лѣто не болѣе десяти человѣкъ) наиболѣе обращали на себя вниманіе Григорій и Большаковъ. Григорій былъ человѣкъ уже среднихъ лѣтъ и очень обстоятельный; говорилъ онъ съ разстановкой и довольно густымъ басомъ. Въ немъ была извѣстная религіозная закваска, и первое время знакомства онъ отстаивалъ обычные консервативные взгляды, причемъ проявлялъ, однако, большую любознательность. Особенно неожиданное впечатлѣніе произвели на него объясненія по русской исторіи. Онъ попросилъ у меня взять книжку Худякова къ себѣ на домъ и тамъ перечитывать ее. Когда онъ убѣдился въ справедливости отрицательнаго отношенія къ современному общественному устройству, то этотъ переворотъ казался въ немъ прочнымъ и устойчивымъ. Характерно въ немъ было то, что онъ интересовался, главнымъ образомъ, положеніемъ не фабрики, а деревни. Онъ непремѣнно рассчитывалъ вернуться въ свою деревню и добиться того, чтобы его выбрали въ старосты. „Тогда, — говорилъ онъ, — я поверну деревенскія дѣла по своему“. Это не значило, конечно, чтобы онъ надѣялся вызвать что-нибудь въ родѣ крестьянскаго возстанія: онъ хотѣлъ просто занять вліятельное положеніе въ своей деревнѣ, съ цѣлью болѣе удобной пропаганды.

Федоръ Большаковъ былъ еще совсѣмъ молодымъ; но онъ былъ очень уменъ и — что было для меня всего удивительнѣе — съ чрезвычайно нервной и впечатлительной организацией, хотя вовсе не экспансивный. Это не былъ задорный и горячій человѣкъ; напротивъ того, съ перваго взгляда онъ казался скорѣе флегматичнымъ, съ блѣднымъ лицомъ и нѣсколько изысканными манерами. Онъ очень внимательно и толково слѣдилъ за занятіями, но довольно долго ничѣмъ не проявлялъ своего особенно горячаго отношенія; но вотъ какъ-то въ воскресенье, когда рабочіе собрались у меня днемъ, подъ вліяніемъ разговоровъ, чтенія стихотвореній Некрасова и даже пѣнія революціонныхъ пѣсенъ (помню, между прочимъ, что пѣли пѣсню 60-хъ годовъ: „Долго насъ помѣщики душили“), его вдругъ охватило замѣтное нервное волненіе. Онъ былъ совсѣмъ блѣденъ и немного дрожалъ. Когда я подошелъ къ нему, онъ тихо сказалъ мнѣ, что самъ не знаетъ, что съ нимъ происходитъ, и уже не помню точно, въ какихъ именно выраженіяхъ произнесъ свою аннибалову клятву. Съ этой минуты онъ сталъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ.

Такъ проходили у меня лѣтніе мѣсяцы 1873 года въ занятіяхъ съ рабочими и въ подготовкѣ къ нимъ. Въ другихъ частяхъ города также велась пропаганда нашимъ кружкомъ. На Васильевскомъ Островѣ еще съ 1872 года образовалась группа заводскихъ рабочихъ. Съ ними поддерживали постоянныя сношенія Сердюковъ, Чайковскій, Ельцинскій, Кравчинскій и Кропоткинъ. Это была довольно большая и хорошо организованная группа, среди которой находились очень развитые рабочіе (Обиорскій, Лавровъ, Орловъ). Заводскіе рабочіе, т. е., рабочіе механическихъ заводовъ, слесари, токари по металлу, литейщики и пр., вообще, стояли гораздо выше фабричныхъ по своему развитію; они читали самостоятельно, и для нихъ установились систематическія лекціи по политической экономіи, исторіи, западно-европейскому революціонному движенію и т. д.

За Невской Заставой велась пропаганда такъ же на заводахъ, такъ и на фабрикахъ. Для сношенія съ заводскими рабочими туда переѣхали на лѣто Кравчинскій и Ельцинскій; а для сношеній съ фабричными тамъ поселился уже вернувшійся изъ Тверской губерніи Синегубъ, который даже открылъ у себя нѣчто въ родѣ неофициальной вечерней школы для рабочихъ. Но о немъ самомъ и о его пропагандѣ я скажу нѣсколько словъ ниже.

За Московской Заставой поселились Леонидъ Поповъ и Жуковъ (бывшій сельскій учитель); они завели знакомства и занятія съ рабочими на фабрикахъ, находившихся въ этомъ районѣ.

Купрейнова, Чарушина, Чайковского и Кропоткина не было тогда въ Петербургѣ. Купрейновъ уѣхалъ за границу, главнымъ образомъ, по дѣламъ изданія и перевозки нелегальныхъ брошюръ. Онъ долженъ былъ купить и доставить въ Петербургъ небольшой, но хорошей системы печатный станокъ, — что и было имъ исполнено. Станокъ этотъ хранился въ лѣчебницѣ Веймара, но воспользоваться имъ кружку уже не удалось. Купрейновъ велъ, кромѣ того, переговоры съ Лавровымъ по изданію и транспортировкѣ журнала „Впередъ“.

Чайковскій обѣзжалъ въ это лѣто провинціальныя города. Кромѣ поддержанія связей кружка съ провинціями, на немъ лежали также финансовыя заботы. Кропоткинъ уѣхалъ продавать свою землю въ Харьковскую губернію, причемъ всѣ полученныя деньги были отданы имъ на революціонное дѣло.

Перовская оставалась в Петербургѣ. Она наняла комнату рядомъ съ моею на Саратовской улицѣ, но не вела самостоятельныхъ занятій съ рабочими. У меня осталось за это время въ памяти ея сношеніе съ жандармомъ изъ III Отдѣленія, гдѣ сидѣли тогда Сердюковъ и Грибоѣдовъ. Появившись платкомъ, она ходила въ назначенное мѣсто на свиданіе съ этимъ жандармомъ, чтобы получать и передавать письма.

Въ серединѣ этого лѣта произошло довольно важное событіе въ жизни нашего кружка: отъѣздъ въ деревню Кравчинскаго, что было связано съ общими результатами нашей пропаганды среди петербургскихъ рабочихъ. Я уже упоминалъ выше, что фабричная рабочая масса въ Петербургѣ еще совершенно не была тогда затронута движеніемъ и выдѣлялась изъ своей среды лишь немногія сознательныя единицы. Вслѣдствіе этого въ этой средѣ еще не было условій для какого бы то ни было массоваго движенія, которое могло бы принять революціонный характеръ. Наши товарищи-рабочіе чувствовали себя въ этой средѣ еще слишкомъ изолированными и не встрѣчали въ ней достаточнаго сочувствія; ихъ сожители по квартирамъ или артелямъ часто называли ихъ „студентами“. Одинъ изъ ходившихъ ко мнѣ рабочихъ, очень молодой, но симпатичный юноша, какъ-то пригласилъ меня, въ праздничный день, пойти къ нему въ артель и прочесть вслухъ какую-нибудь брошюру, увѣряя, что тамъ все свои, знакомые люди. Я согласился, и мы отправились. Я засталъ въ большой артельной комнатѣ человѣкъ съ десятковъ рабочихъ. Но когда я сталъ читать имъ, не помню уже какую, брошюру, то скорѣй поднялся со своего мѣста молчаливый до тѣхъ поръ рабочій—отставной солдатъ—и сталъ очень угрожающе протестовать противъ моего противоправительственнаго чтенія. Другіе слушатели отнеслись къ этому вмѣшательству совершенно пассивно, и произошла очень неловкая сцена. Мой знакомый рабочій началъ урезонивать отставного солдата, съ которымъ былъ въ болѣе или менѣе товарищескихъ отношеніяхъ, какъ съ членомъ одной артели, но посѣщеніе мое, во всякомъ случаѣ, кончилось полной неудачей.

Правда, мое чтеніе затронуло, очевидно, политическіе вопросы, и эту неудачу можно объяснить неумѣlostью пропагандиста. Возможно, что если бы я оставался на чисто-экономической почвѣ, въ предѣлахъ повседневныхъ фабричныхъ интересовъ, то мнѣ удалось бы болѣе овладѣть вниманіемъ слушателей.

Но врядъ ли можно допустить, однако, чтобы степень сознательности въ рабочихъ массахъ по отношенію даже къ ихъ экономическому положенію могла неходиться въ полномъ несоотвѣстствіи съ ихъ политической отсталостію, и чтобы на почвѣ подлаго политическаго дифференцізма можно было когда-нибудь вызвать даже серьезное экономическое движеніе.

Во всякомъ случаѣ, ни у одного изъ нашихъ сознательныхъ рабочихъ не возникало тогда мысли о томъ, чтобы мы совершали ошибку въ общемъ направленіи нашей пропаганды, когда касались политическихъ вопросовъ и отступали отъ частной экономики; ни у одного изъ нихъ, при сильно возбужденномъ стремленіи къ самостоятельной пропагандѣ, не являлось тогда идея о возможности начать движеніе въ своей рабочей средѣ на почвѣ ближайшихъ экономическихъ нуждъ; все то, что они видѣли и воспринимали вокругъ себя, не наталкивало ихъ на этотъ путь. Напротивъ того, тѣ изъ нашихъ товарищей-рабочихъ, которые проявляли всего болѣе инициативы и самостоятельности, первые стали нападать на первоначальную программу нашего кружка въ томъ именно смыслѣ, что она была слишкомъ замкнута въ подготовительную работу среди однихъ городскихъ рабочихъ.

Въ этомъ отношеніи въ основномъ составѣ нашего кружка, несомнѣнно, существовала извѣстная задерживающая тенденція. Какъ всякая сильная организація, кружокъ былъ склоненъ крѣпко держаться за разъ начатую имъ систематическую работу и не проявлялъ никакого желанія разбрасываться въ стороны и увлекаться болѣе широкими революціонными планами. Такъ, я помню, что когда появились первыя извѣстія о самарскомъ голодѣ 1873—1874 гг. и когда у нѣкоторыхъ изъ насъ, какъ, напримѣръ, у Синегуба, стала возникать мысль о побѣдѣ для агитаціи въ Самарскую губернію, то Чайковский, въ разговорѣ со мной, отнесся къ этому плану крайне отрицательно.

Но что касается рабочихъ, то со стороны именно ихъ скоро стала проявляться тенденція бросать фабрики и ѣхать для пропаганды въ деревни. Первымъ заявилъ о такомъ своемъ желаніи Крыловъ. Со свойственной ему рѣшительностію онъ еще весной 1873 года года взялъ расчетъ на фабрикѣ и сначала придумалъ ходить по окраинамъ Петербурга съ коробкой народныхъ книжекъ, въ качествѣ книгоноши, а затѣмъ, къ началу лѣта, совсѣмъ

уехать из Петербурга в свою деревню, в Тверскую губернию.

Я помню еще такой характерный случай: один из лучших рабочих из группы Васильевского Острова, Михаил Орлов, также бросил завод и стал готовиться к экзамену на сельского учителя. С этой целью он поселился за Невской Заставой на одной квартире с Ельчинским, который очень ценил его.

Все это не могло не иметь влияния на еще только-что вырабатывавшиеся программные взгляды нашего кружка. Его первоначальная идея — охватить своей систематической пропагандой всю рабочую массу Петербурга — была построена чисто теоретическим путем. В ней была прочна и незыблема только основная мысль о необходимости перенести революционное движение из студенческой среды в рабочую, передать революционное дело в народные руки; но вся дальнейшая разработка этой основной идеи, очевидно, подлежала влиянию самой жизни. И вот всепоглощающая русская деревня уже начинала тогда оказывать свое притягательное действие. Помимо того доминирующего значения, какое всегда имело в русской экономике и в русской социалистической литературе земельный вопрос, на котором было, как известно, сосредоточено все внимание Чернышевского, первые наши попытки социалистической пропаганды первые практические шаги по пути к близости с рабочими массами приводили нас к тому же самому выводу: сами сознательные городские рабочие не ощущали пока вокруг себя революционизирующего влияния фабричной обстановки и чувствовали тяготение к деревне.

Под влиянием таких именно впечатлений Кравчинский, всегда более или менее сохранявший за собою личную инициативу и не мирившийся вполне с рамками одной кружковой работы, задумал уйти в деревню. В этом решении сказывалась также та тенденция полного слияния с народом и приведения в полное соответствие своей личной жизни со своими идеями, которое было так сильно окрашено все движение начала 70-х годов. Положение „студента“, занимающегося с рабочими, не вполне удовлетворяло этой тенденции. Я помню по этому поводу разговор Чарушина с одним из его рабочих, во время которого этот рабочий высказывал ему, откровенно, что он, Чарушин, все-таки был на положении не рабочего человека и не нес никакой трудовой лямки. Здесь была задета очень

большая струна нашего внутреннего настроения; наши теоретические соображения и выводы тесно переплетались тогда с известными психологическими мотивами, а эти психологические мотивы сильно клонили в сторону полного слияния с трудовыми массами. Этим объясняется та, если так можно выразиться, *лирическая* сторона хождения в народ, которая, несомненно, присутствовала во всем движении начала 70-х годов. Я совершенно уверен, например, что Кравчинский, при всем его серьезном объективном отношении к делу, был просто лично рад и доволен, когда впервые надеть на себя посконную рубаху и крестьянскую поддевку. Я помню Сергея Кравчинского в двух видах: сначала студентом, в его заваленной книгами комнате в Лесном институте; помню, с каким интересом он показывал мне те редкие сочинения, которыми он старался достать, помню, как он говорил о своем страстном стремлении овладеть всеми человеческими знаниями (это было под сильным впечатлением книги Бокля), — а затем я помню его уже на вокзале Николаевской железной дороги с котомкой в руках и в крестьянской одежде на плечах. Это были два совсем разных человека; второй Кравчинский действительно оторвался от многого, что было ему очень дорого и с чем он сжился в первую эпоху своего развития; здесь были сожжены корабли цыблага традиционного представления о революционной деятельности (в виде вождя, стоящего наверху, над массами, вроде шпильгагенского Лео Гутмана), здесь уже явно сказывалась господствующая тогда идея передачи всего революционного дела в руки самого народа, идея преклонения перед внутренней правдой трудовой народной жизни.

Отъезд Кравчинского был пока единичным явлением и даже неожиданным для кружка. Когда Чайковский в конце лета приехал в Петербург и узнал об этом отъезде, то он только развел руками. В общем, кружок до самого своего разгрома не покидал своей главной руководящей линии: пропаганды среди заводских и фабричных рабочих Петербурга. В этом отношении большое место в жизни нашего кружка занимала деятельность Синегуба, одного из талантливейших наших пропагандистов, пропагандиста по натуре, пользовавшегося огромным успехом среди фабричных рабочих. Приобретение первых знакомств среди них, еще при самом начале, при самом переходе кружка к непосредственной пропа-

гандъ, происходило при большой его помощи. Онъ умѣлъ заводить знакомства съ рабочими, умѣлъ говорить съ ними увлекательно и задушевно. Онъ могъ живо и съ интересомъ спорить съ рабочими по цѣлымъ часамъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ; онъ входилъ въ личную психологію каждаго изъ нихъ и въ то же время располагалъ ихъ къ себѣ своею прямою и искренностью. Рабочіе любили его и цѣнили, какъ учителя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ поэтъ и написалъ для нихъ получившія потомъ большое распространѣніе „Думы ткача“:

Ломить, терзаетъ головушку бѣдную
Грохотъ машинныхъ колесъ...

Я присутствовалъ иногда при бесѣдахъ съ рабочими Купреянова и Ельцинскаго. Каждый изъ нихъ по своему достигалъ желаемыхъ результатовъ. Купреяновъ заставлялъ слушателя размышлять. Такъ, однажды, желая объяснить одному изъ рабочихъ совершенную неизбежность чиновниковъ при самодержавномъ правительствѣ, онъ такъ наглядно и такъ логически-связно показалъ неотдѣлимость существованія самодержавія отъ чиновниковъ, что даже мнѣ самому этотъ вопросъ сталъ казаться какъ-то яснѣе; онъ именно умѣлъ развивать и доказывать самыя, повидимому, простыя мысли.

Ельцинскій вносилъ въ свою пропаганду много блеска и остроумія; онъ прекрасно рассказывалъ и находилъ удачныя сравненія. При очень большой начитанности онъ могъ извлекать изъ своей богатой памяти сколько угодно фактовъ, цифръ, стихотвореній, историческихъ анекдотовъ. Иногда онъ прибѣгалъ къ пропагандѣ отъ противнаго, если можно такъ выразиться. Такъ, при случайной встрѣчѣ съ оборванымъ крестьяниномъ въ Олопецкой губерніи, куда онъ поѣхалъ, подъ видомъ ученаго геолога, освобождать изъ ссылки Тейлса, сосланнаго по печавскому процессу, онъ сталъ, со свойственнымъ ему остроуміемъ, доказывать оборванному крестьянину, что такъ именно и слѣдуетъ, чтобы онъ, баринъ, носилъ хорошую одежду и золотыя часы, а чтобы мужикъ ходилъ въ рубищѣ и работалъ, и т. д. въ томъ же родѣ.

Синегубъ, въ своей пропагандѣ, болѣе сближался съ рабочими, тѣснѣе входилъ въ ихъ умственную и душевную жизнь, болѣе отдавалъ себя имъ. Онъ проводилъ съ ними все свое время, и его квартира за Невскою Заставою скоро

обратилась въ настоящій рабочий клубъ. Ежедневно по вечерамъ тамъ собиралось по 30 и по 40 рабочихъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ засиживались до поздней ночи.

Скоро у него образовалась группа особо избранныхъ изъ рабочихъ, которыхъ онъ убѣдилъ составить свою особую артель и поселиться на отдѣльной квартирѣ. На эту квартиру онъ перѣдко заходилъ самъ, и тамъ открыто велись революціонные разговоры, что и послужило въ началѣ ноября къ доносу и аресту его самого и всей его группы. Оказалось, что одинъ изъ добровольныхъ смѣшниковъ-рабочихъ нанялъ комнату рядомъ съ этой квартирой и устроился такъ, что могъ подслушивать все, что въ ней происходило.

Для помощи себѣ Синегубъ выписалъ своего стараго товарища по гимназій Стаховскаго и еще одного юношу, Борисевича, которымъ передалъ часть своихъ школьныхъ занятій съ рабочими. Наконецъ, въ концѣ лѣта 1873 года въ Петербургъ переехалъ изъ Москвы Тихомировъ и поселился на квартирѣ самого Синегуба, совершенно очарованный той широкой пропагандой, которую встрѣтилъ здѣсь послѣ московскаго затѣшья.

Позднѣе, уже къ ноябрю мѣсяцу, за Невскую Заставу переехала Перовская для занятій съ рабочими. Она поселилась на одной квартирѣ съ Дмитріемъ Рогачевымъ, причемъ Синегубъ передалъ имъ группу рабочихъ, среди которыхъ находился, между прочимъ, извѣстный Петръ Алексѣевъ, прославившійся своею рѣчью по процессу пятидесяти.

Такимъ образомъ, къ осени 1873 года весь кружокъ чайковцевъ былъ снова въ Петербургѣ. Приѣхалъ даже Кравчинскій изъ своей лѣтней эскурсіи. Онъ прожилъ это лѣто у одного мелкаго помѣщика Тверской губерніи, Ирцея, бывшаго артиллерійскаго офицера. Ирцевъ, по собственному побужденію, пожелалъ опроститься, велъ совершенно мужицкій образъ жизни и самъ работалъ на землѣ, вмѣстѣ со своими батраками. Кравчинскій поступилъ къ нему въ качествѣ чернорабочаго, желая практически приспособиться къ своему новому положенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него былъ планъ, которому не препятствовалъ со своей стороны и Ирцевъ,—устроить въ его имѣніи помѣщеніе для тайной типографіи, для чего Кравчинскій рылъ какое-то подземелье.

Въ концѣ августа я и Перовская переехали съ Саратовской улицы въ Казарменный переулокъ на Петербургской Сторонѣ, гдѣ сняли небольшой отдѣльный домикъ. Здѣсь и проходили теперь общія совѣщанія кружка. На этихъ со-

вѣщанійхъ, вскорѣ послѣ того какъ всѣ собрались въ Петербургѣ, было рѣшено, во-первыхъ, образовать группу фабричныхъ рабочихъ изъ лучшихъ представителей всѣхъ районовъ. Это была бы попытка самостоятельной рабочей организации, въ руки которой и предполагалось передать веденіе пропаганды. Во вторыхъ, было рѣшено обнародовать программу кружка на выработку которой было употреблено нѣсколько совѣщаній.

Оба эти проекта остались неосуществленными, вслѣдствіе арестовъ, начавшихся съ ноября мѣсяца. О ходѣ этихъ арестовъ, приведшихъ къ полному разгрому кружка чайковцевъ, я передаю въ своихъ воспоминаніяхъ о Сергѣй Кравчинскомъ. Изъ числа разыскиваемыхъ, но еще не арестованныхъ членовъ кружка, Кравчинскій, Ельчинскій и я оказались весною 1874 г. въ Москвѣ, гдѣ и встрѣтились у О. Г. Алексѣевой съ сразу же очаровавшимъ насъ юношей Николаемъ Александровичемъ Морозовымъ.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ тѣмъ дополненіямъ, какия должны быть сдѣланы къ его разсказу объ этомъ заключительномъ періодѣ движенія начала 70-хъ годовъ, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о программѣ кружка чайковцевъ, которая, хотя и не успѣла быть разосланной по всѣмъ провинціальнымъ группамъ, какъ это предполагалось, но была уже обсуждена на нашихъ совѣщаніяхъ и редактирована Кропоткинскимъ. При обыскѣ у него была отобрана уже совсѣмъ готовая рукопись. Нѣсколько выдержекъ изъ этого наброска программы послужатъ документальнымъ, такъ сказать, свидѣтельствомъ относительно тѣхъ теоретическихъ итоговъ, съ которыми движеніе начала 70-хъ годовъ вступило тогда въ болѣе широкій, массовый періодъ своего существованія. Воспоминанія Н. Морозова относятся именно къ этому періоду движенія, когда сильно выдвинулась впередъ лишь одна изъ его общихъ идей—необходимость идти въ народъ; но мы уже видѣли, что эта общая идея имѣла свою исторію, что она явилась результатомъ цѣлаго подготовительнаго періода кружковой жизни.

Уже самое заглавіе рукописи, найденной у Кропоткина, очень характерно для опредѣленія главныхъ теоретическихъ

итоговъ этого подготовительнаго періода. Оно было таково: „Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя?“¹⁾

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ заключался тогда основной вопросъ, подлежавшій обсужденію. Вопросъ этотъ рѣшался отрицательно. Никакихъ своихъ плановъ идеальнаго общественнаго устройства мы не должны были предлагать народу; сама жизнь покажетъ, въ какия новыя формы выльется общественная организация послѣ социальнаго переворота. Мы должны были лишь подготовить условия этого переворота, тѣ революціонныя кадры среди городскихъ рабочихъ и крестьянства, отъ наличности которыхъ зависѣла возможность его осуществленія. „Для подготовленія социальной революціи въ Россіи“,—такъ излагаются въ обвинительномъ актѣ идеи программы,—„необходимо образовывать революціонную организацію... Подготовительная дѣятельность революціонной организаціи должна быть направлена, главнымъ образомъ, на увеличеніе числа ея единомышленниковъ въ средѣ крестьянства и городскихъ рабочихъ, посредствомъ дѣятельной пропаганды своихъ воззрѣній и усиленія неудовольствія противъ правительства“. При этомъ особенное вниманіе въ программѣ обращалось „на подготовку революціонныхъ дѣятелей изъ городскихъ рабочихъ, которые, возвращаясь на родину, могутъ распространять между крестьянами социальныя идеи, усвоенныя отъ агитаторовъ“. Въ отличіе отъ программы такъ называемыхъ бунтарей или „вспышконускателей“, здѣсь не совѣтуется „возбуждать подобныя явленія, дабы не отвлекать ими народъ отъ стремленія къ достиженію главной цѣли—всеобщаго возстанія во имя кореннаго переворота“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ признается полезнымъ „не препятствовать развитію мѣстныхъ волненій и сопротивленій властямъ, если только они вызываются естественнымъ путемъ“.

Наконецъ, очень характерно также слѣдующее заявленіе въ программѣ кружка чайковцевъ: выражая свое полное сочувствіе международной ассоціаціи рабочихъ въ лицѣ ея *секции федералистовъ* и ихъ русскихъ представителей-эмигрантовъ, она „вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ *полной солидарности* со всѣми партіями эмигрантовъ, призывая,

¹⁾ Это заглавіе вмѣстѣ съ изложеніемъ главныхъ мыслей программы находится въ обвинительномъ актѣ по дѣлу 193-хъ.

что русская народная революционная партия должна самобытно развиваться среди русского народа¹⁾.

Здесь очень важно обратить внимание на это стремление подчеркнуть *самостоятельность* движения 70-х годов. Очень часто в объяснениях его происхождения придается преувеличенное значение влиянию заграничной и преимущественно бакунинской пропаганды. Не отрицая, конечно, этого влияния, необходимо призвать, что оно имело передь собою уже подготовленную почву. Известно, что идеи Бакунина были изложены, главным образом, в двух книжках, изданных его заграничным кружком: „Государственность и анархия“ и „Историческое развитие Интернационала“; но эти книжки появились в России лишь в началъ 1874 года; между тѣмъ, мы видѣли, что идейное движение, создавшее отдѣльныя революціонныя группы въ главныхъ университетскихъ центрахъ России и вызывавшее въ этихъ группахъ неустрашимое тяготѣніе къ рабочимъ массамъ, началось гораздо раньше. Бакунинская пропаганда лишь *совпала* съ тѣмъ главнымъ выводомъ, къ которому пришла внутренняя подготовительная работа и уже имѣвшаяся революціонная практика данного поколѣнія, а потому она какъ бы замѣнила собою, въ глазахъ нѣкоторыхъ историковъ движения, все то ничѣмъ незамѣнимое и гораздо болѣе продолжительное воспитательное влияние, какое имѣла на данное поколѣніе социалистическая литература 60-хъ годовъ и пореформенное положеніе русскаго крестьянства.

Члены кружка чайковцевъ, пережившіе лично, на самихъ себѣ, всю эту подготовительную стадію, не могли, конечно, считать себя продуктомъ лишь заграничной, эмигрантской пропаганды, тѣмъ болѣе, что не были вполне солидарны и съ нѣкоторыми ея теоретическими положеніями (особенно касавшимися отдѣльныхъ мѣстныхъ бунтовъ), а потому желали указать въ своемъ наброскѣ программы на самостоятельность развитія русской народной революціонной партіи.

¹⁾ Мы должны опять оговориться, что эти программныя выдержки берутся нами изъ обвинительнаго акта; но намъ кажется, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ ихъ точности. Прокуроръ, очевидно, не былъ заинтересованъ въ этомъ случаѣ въ искаженіи излагаемаго текста и, не имѣя никакихъ собственныхъ идей по данному предмету, могъ только дословно слѣдовать тексту. Наконецъ, хотя я не помню, конечно, подлинныхъ выраженій обсуждавшейся нами программы, но хорошо помню общій ея смыслъ, который вполне совпадаетъ въ моей памяти съ содержаніемъ приводимыхъ отрывковъ.

Теперь мнѣ уже легко будетъ сдѣлать тѣ немногія поправки и дополненія къ разсказу Морозова, сознание необходимости которыхъ и было ближайшимъ поводомъ къ появленію на свѣтъ Божій этихъ личныхъ воспоминаній.

„Кто были эти люди, а съ ними и всѣ участвовавшіе въ движеніи семьдесятъ четвертаго года: социалисты, анархисты, коммунисты, народники или что-либо другое?“ — такъ часто спрашивали Морозова въ послѣдующее время; и онъ всегда останавливался въ недоумѣніи, не зная, что отвѣчать.

Но такъ какъ онъ въ высшей степени точенъ и вѣренъ дѣйствительности въ своихъ воспоминаніяхъ, то, вмѣсто отвѣта на эти вопросы, онъ приводитъ подлинныя слова и выраженія тѣхъ представителей движенія семьдесятъ четвертаго года, съ которыми встрѣтился въ Москвѣ.

„Всѣ считали для себя обязательнымъ, какъ бы дѣломъ простаго приличія — говорить онъ — выразить сочувствіе къ социалистическимъ идеаламъ и къ социалистической литературѣ, но каждый разъ, какъ заходила рѣчь о деталяхъ будущаго общественнаго строя, всякое затрудненіе устранялось однимъ и тѣмъ же стереотипнымъ отвѣтомъ:

„Мы ничего не хотимъ навязывать народу... Мы вѣримъ, что, какъ только онъ получитъ возможность распоряжаться своими судьбами, онъ устроитъ все такъ хорошо, какъ мы даже и вообразить себѣ не можемъ. Все, что мы должны сдѣлать, — это — освободить его руки, и тогда наше дѣло будетъ закончено, и мы должны будемъ совершенно устраниваться“.

Эти слова чрезвычайно вѣрно передаютъ тѣ заключительныя выводы, на которыхъ остановились тогда представители движенія начала семидесятыхъ годовъ. Память и въ этомъ случаѣ не измѣнила Морозову, и всякій, пережившій самъ то время, какъ бы слышитъ здѣсь повтореніе своихъ собственныхъ словъ. Но тѣ выводы и размышленія, на которые они наводятъ Морозова, нуждаются въ поправкахъ.

„Уже одна эта неопредѣленность возрѣній, — пишетъ онъ, — показывала мнѣ еще тогда, что корни движенія находятся вовсе не въ социалистическихъ идеяхъ, которыя дебатировались по временамъ среди многихъ новыхъ знакомыхъ. Чувствовалась какая-то другая скрытая пружина, которой они и сами не подозрѣвали“. И затѣмъ онъ высказываетъ нѣсколько своихъ мыслей относительно этой скрытой пружины.

Здѣсь не совсѣмъ понятно, почему неопредѣленность приводимыхъ выражений, въ которыхъ такъ ясно, однако, просвѣчиваетъ идея передачи всего будущаго общественнаго устройства въ руки самого освобожденнаго трудового народа, эта идея, такъ всецѣло охватившая тогда людей, вплоть до того, что вызвала въ нихъ рѣшеніе отречься отъ всѣхъ своихъ самыхъ заветныхъ личныхъ стремленій и привычекъ, — противорѣчила бы въ какомъ-нибудь отношеніи социалистическимъ идеаламъ и социалистической литературѣ? Развѣ основною мыслью всей социалистической литературы того времени (да и теперешняго) не является именно эта увѣренность въ непогрѣшимости классовыхъ тенденцій и даже классовыхъ инстинктовъ рабочаго человѣка? Развѣ „идея рабочаго класса“, вытекающая непосредственно изъ его собственнаго положенія, не отодвинула тогда, на самомъ дѣлѣ, на задній планъ всѣ другія идеи и теории народнаго блага, вырабатывавшіяся въ интеллектуальныхъ и буржуазныхъ сферахъ: якобинскія, анархическія, сенъ-симонистскія, фурьеристскія и т. д.? Именно въ силу своей глубокой увѣренности въ истинѣ великой идеи рабочаго класса социалисты того времени и отказывались причислять себя къ какой-нибудь опредѣленной категоріи или школѣ, навязывавшей рабочему классу свою собственную систему общественнаго устройства. Они только съ особенною рѣзкостью противопоставляли себя либераламъ, какъ представителямъ буржуазнаго класса, а въ Россіи, кромѣ того, еще и сторонникамъ реформаторской, монархической политики, вслѣдствіе чего часто называли себя просто *радикалами*, какъ упоминаетъ объ этомъ и Морозовъ.

Положимъ даже, что теоретически они заблуждались, такъ всецѣло и исключительно довѣряясь въ вопросѣ о будущемъ социальномъ устройствѣ классовому инстинкту рабочаго народа; но развѣ не слѣдуетъ видѣть подкладку этого заблужденія именно въ преданности социализму, именно въ идеализаціи трудового начала, въ отреченіи отъ всѣхъ буржуазныхъ политическихъ системъ и даже въ боязни ихъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ историческихъ событий?

Такимъ образомъ, мы рѣшительно не видимъ, чтобы приводимыя Морозовымъ подлинныя выраженія представителей движенія семьдесятъ четвертаго года, въ родѣ: „мы ничего не хотимъ навязывать народу“, „мы вѣряемъ, что онъ самъ сумеетъ устроить свою судьбу, развѣ только будетъ

свободенъ“ и т. д., — въ чемъ-нибудь противорѣчили чисто социалистической подкладкѣ всего движенія начала семидесятыхъ годовъ. Напротивъ того, эти выраженія какъ разъ совпадаютъ съ тѣми, напимѣръ, основными программными положеніями социалистическаго кружка чайковцевъ, о которыхъ упоминается въ обвинительномъ актѣ. И не знаю, въ какой степени мнѣ удалось въ этихъ блѣдныхъ автобіографическихъ замѣткахъ передать общее настроеніе, общій идейный характеръ этого социалистическаго кружка, но, во всякомъ случаѣ, какъ его идейное происхожденіе, связанное непосредственно съ могучимъ вліяніемъ уже несомнѣнно социалистической литературы Чернышевскаго и Добролюбова, такъ и всѣ его поступки и помыслы могутъ свидѣтельствовать ни о чемъ иномъ, какъ о его беззаветной преданности социалистическимъ идеаламъ. Зачѣмъ же мы будемъ искать другой скрытой пружины общественной дѣятельности этого, напимѣръ, кружка, когда тѣ ея обоснованія, которыя высказаны имъ въ его программныхъ заявленіяхъ, въ распространенныхъ имъ брошюрахъ, въ рѣчахъ его членовъ на судѣ и т. д., могутъ служить сами по себѣ достаточнымъ матеріаломъ для выясненія ея мотивовъ? Да и развѣ у насъ, вообще, не осталось отъ той эпохи достаточныхъ для этого объективныхъ данныхъ?

Что касается до того скрытаго мотива движенія начала семидесятыхъ годовъ, о которомъ упоминаетъ затѣмъ Морозовъ и который сводится ко взгляду на революціонное движеніе начала 70-хъ годовъ, какъ на „классовое студенческое движеніе“, какъ на „борьбу русской учащейся, полной жизненныхъ силъ интеллигенціи со стѣсняющимъ ее правительственнымъ и административнымъ произволомъ“, то это одна изъ наименѣе удачныхъ мыслей всего его разсказа. Я уже упоминалъ, что въ моментъ моего поступленія въ Технологическій институтъ, послѣ выхода въ отставку, тамъ было чисто-студенческое движеніе: собирались сходки, выбирались депутаты и т. д. Выравшись только-что изъ полузакрытой военной школы, я до известной степени еще подавался тогда обаянію этого массоваго студенческаго волненія и помню, что при первой моей встрѣчѣ съ Купреяновымъ спросилъ его, почему онъ не принимаетъ въ немъ никакого участія:

— „По глубокому равнодушію къ студенческимъ дѣламъ“, — отвѣтилъ мнѣ Купреяновъ, и эти слова, сказанныя въ то время, когда студенческія волненія еще такъ недавно

воплощали в себя все революционное движение, врезались в мою память. В устах члена кружка чайковцев, уже перешедшего тогда фактически к пропаганде в рабочей среде, эти слова не были пустой фразой. В сущности, все историческое значение революционного движения начала 70-х годов в том именно и заключалось, что, не довольствуясь прежней агитацией среди студенчества, оно стало пробивать себе дорогу в народные массы.

Михаилъ Рафаиловичъ Гоцъ¹⁾.

(Памяти дорогого друга).

Я не буду говорить о молодомъ Михаилѣ Рафаиловичѣ Гоцѣ, какимъ онъ былъ въ періодъ ранней юности. Объ этой порѣ его жизни намъ расскажутъ другіе его товарищи. Я познакомился съ Гоцемъ въ то время, когда онъ пріѣхалъ за границу, послѣ своей долготѣйшей ссылки, уже прострѣленный солдатской пулей въ Якутскѣ и похоронившій свою молодость въ Акатуйскомъ острогѣ.

Первый разъ я встрѣтилъ Гоца въ Парижѣ, на засѣданіи той небольшой комиссіи, которой были поручены подготовительныя работы, связанныя съ постановкой памятника на могилу Лаврова. Я увидѣлъ вошедшаго среди уже начавшагося засѣданія незамѣтнаго по виду человѣка, небольшого роста, съ очень простыми манерами. Многія выдающіеся и даже блестящія стороны Гоца никогда не бросались сразу въ глаза. Это былъ очень скромный человѣкъ и одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые совершенно не заняты сами собою. Мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые товарищи.

Вскорѣ послѣ того онъ привлекъ мое вниманіе на рефератѣ о Михайловскомъ, читавшемся въ Парижѣ однимъ социаль-демократомъ. Гоцъ вошелъ въ залу въ серединѣ реферата, но попросилъ слова сейчасъ же послѣ его окончания и сталъ говорить, видимо, безъ всякой подготовки. Его рѣчь была очень проста и лишена политическихъ рѣзкостей, но онъ указалъ референту на упущенныя имъ стороны въ социологическихъ построеніяхъ Михайловскаго, причемъ ссылался на тексты и цитировалъ на память нѣкоторыя резолюціи нѣмецкой социалистической партіи. Слушатели не могли не обратить серьезнаго вниманія на эту простую рѣчь представителя не-социаль-демократической мысли.

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 11.